

ISSN 2304-4586

2019
2(253)

У КАРТЫ ТИХОГО ОКЕАНА

Информационно-аналитический
бюллетень
Издаётся с 1974 года

2019

№ 2 (253)

Специальный выпуск

Watching the Pacific
Research and Analytic Report Series

Издатель:

Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН

Редакционная коллегия:

Ларин В.Л. (главный редактор)
Песцов С.К. (заместитель главного редактора)
Болдырев В.Е.
Волынчук А.Б.
Герасименко А.П.
Горячева Е.А. (ответственный секретарь)
Зуенко И.Ю.
Мишин В.Ю.
Швыдко С.Т.
Ян Чен

Редакционный совет:

Бакланов П.Я.
Белкин В.Г.
Горчаков В.В.
Михеев В.В.
Русецкий Е.А.
Сергиенко В.И.
Толстокулаков И.А.
Фэн Юцзюнь
Хаба Кумико

ISSN 2304-4586 (Print)
ISSN 2304-4632 (Online)

© Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Корейский полуостров — Гордиев узел Северо-восточной Азии

Аннотация	3
Annotation	5
Толстокулаков И.А. Межкорейский диалог: прошлое, настоящее и перспективы	7
Симоненко А.В. Южнокорейский взгляд на северокорейские реалии (по материалам южнокорейской прессы)	15
Мишин В.Ю. Роль России в корейском урегулировании: попытка критического осмысления	19
Болдырев В.Ю. Политика Д. Трампа на северокорейском направлении после сингапурской встречи в верхах	23
Разумов Е.А. Китай — КНДР: проблема сохранения традиционных отношений	27
Песцов С.К. Неизменная позиция в меняющейся ситуации: Россия и проблема Корейского полуострова в 2018 г.	30
Горячева Е.А. КНДР для Японии: реальная угроза безопасности или удобный предлог для реализации внешнеполитических задач?	43
Обобщение результатов дискуссии	47

CONTENT

Korean Peninsula - Northeast Asia's Gordian Knot

Annotation	3
Annotation	5
Tolstokulakov I.A. Inter-Korean dialogue: past, present and future perspectives	7
Simonenok A.V. The South Korean view of North Korean reality (based on materials from the South Korean print media)	15
Mishin V.Yu. The Role of Russia in the Korean Problems Reconciliation: An Attempt of Critical Evaluation	19
Boldyrev V.E. D. Trump's policy towards North Korea after the Singapore summit	23
Razumov E.A. China — DPRK: the problem of maintenance of traditional relations	27
Pestsov S.K. Steadfast position in a changing situation: Russia and the problem of the Korean Peninsula in 2018	30
Goriacheva E.A. Is DPRK a Real Threat for Japan's Security or a Convenient Excuse for Conducting Japan's Foreign Policy?	43
Summary of discussion	47

Архив номеров информационно-аналитического бюллетеня
«У Карты Тихого океана» доступен по ссылке:
<http://ihaefe.org/publishings/by-the-pacific-ocean-map>

Формат 60×84/8. Усл. печ. л. 5,58. Уч.-изд. 3,11. Тираж 300 экз.
Отпечатано в Отделе ИТ ИИАЭ ДВО РАН.

Адрес редакции и издателя:
690001, Владивосток, ул. Пушкинская, 89.
Тел.: (4232) 226–80–54.
E-mail: wp@ihaefe.ru.

КОРЕЙСКИЙ ПОЛУОСТРОВ – ГОРДИЕВ УЗЕЛ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

АННОТАЦИЯ

28 февраля 2019 г. Центр Азиатско-Тихоокеанских исследований ИИАЭ ДВО РАН провёл «сценируемый круглый стол» «Корейский полуостров — Гордиев узел Северо-восточной Азии», руководителем член-корреспондент РАН В.Л. Ларин.

С докладами выступили научные сотрудники ЦАТИ ИИАЭ ДВО РАН и ДВФУ И.А. Толстокулаков, А.В. Симоненко, В.Ю. Мишин, В.Е. Болдырев, Е.А. Разумов, С.К. Песцов, Е.А. Горячева.

В дискуссии участвовали д.т.н., проф. Горчаков, д.п.н. Е.А. Русецкий, руководитель Представительства МИД РФ в гор. Владивостоке Е.С. Волосастов, а также сотрудники ЦАТИ.

В докладах и последующей дискуссии участники «круглого стола» отметили, что нынешний период стал исключительным в Корейской истории. Угроза ядерной войны, поставившая полуостров на грань исчезновения, сменилась активной дипломатией США, Республики Корея и КНДР, которой не было прежде.

На этом фоне произошли беспрецедентные подвижки в урегулировании межкорейских отношений, был дан старт американо-северокорейского переговорного процесса.

Участники СКС подчеркнули, что несмотря на санкционную блокаду, Северная Корея при Ким Чен Ыне перешла в стадию новой социально-экономической реальности, появились признаки «внутренней маркетизации» в сельском хозяйстве, торговле, сфере услуг и логистике. Произошёл качественный рывок в науке, благодаря чему значительно вперёд продвинулся северокорейский ВПК. В конце 2017 г. Ким Чен Ын продекларировал создание национальных ядерных сил и формирование структуры власти с решающей ролью ТПК.

Опираясь на консолидацию внутренних сил и «ядерный щит», Ким Чен Ын совершил невиданный в истории северокорейской дипломатии шаг, перейдя от воинственной риторики и ядерного шантажа к предложениям о мирном диалоге с США и Южной Кореей. В немалой степени этому способствовал реформаторский курс нового президента РК Мун Чжэ Ина, взявшегося за отказ от консервативных подходов и пересмотр старой системы

южнокорейской внешней и внутренней политики. Сеул быстро откликнулся на северокорейские мирные инициативы, что способствовало активному развитию межкорейских контактов, итогом чего явилось участие спортсменов Северной Кореи в зимней Олимпиаде в РК и целой серии саммитов между лидерами Юга и Севера.

Следствием межкорейского урегулирования явилось решение президента США Д. Трампа согласиться на переговоры с Ким Чен Ыном. На первом в истории саммите между руководителями двух ранее непримиримых государств, состоявшемся в Сингапуре 12 июня 2018 г., была согласована модель урегулирования отношений КНДР и США: денуклеаризация Северной Кореи в обмен на гарантии безопасности со стороны США. Несмотря на иллюзорность достижения конечного результата, можно с уверенностью говорить, что Трамп и Ким Чен Ын не только ослабили Гордиев узел корейской проблемы, но и отодвинули угрозу ядерного коллапса во всём регионе.

Немаловажную роль в сохранении мира на Корейском полуострове играет и будет играть Китай. В условиях трансформации отношений между КНДР—США—РК для Пекина предпочтительной будет модификация существующего статуса-кво в соответствии со своими национальными интересами в регионе. Несмотря на присоединение к санкциям СБ ООН и значительное сокращение торгово-экономических отношений с КНДР, Пекин будет поддерживать жизнеспособность Северокорейского режима и сохранит патерналистские отношения с Пхеньяном.

Политика Японии в отношении КНДР определяется исторической памятью и твёрдому следованию подчинённой роли в альянсе с США. В перспективе Токио не будет предпринимать самостоятельных шагов на сближение с Пхеньяном, за исключением традиционного вопроса о похищенных гражданах.

В период интенсивной трансформации российская политика в отношении Корейского полуострова определялась приверженностью совместной с Китаем «дорожной карте», двойной заморозке ракетно-ядерной программы КНДР и созданию системы коллективной безопасности. В силу разных причин, включая традиционную оглядку Москвы на мнения региональных партнёров, Россия фактически оказалась отстранённой от процесса корейского урегулирования. Для России и её интересов в СВА такое состояние вовлечённости представляется неблагоприятным. Если не изменить подход к проблеме на самом высоком уровне, то её изоляция усилится, а потенциал влияния приблизится к нулю. Предполагается, что сегодняшнюю отстранённость от решения корейской проблемы Россия могла бы преодолеть посредством координации региональной политики с Китаем, новаторским наполнением «дорожной карты» более конкретными идеями и предложениями, позиционирование себя как приверженца ослабления, а затем полного снятия санкций с КНДР.

В данном выпуске бюллетеня «У карты Тихого океана» представлены доклады участников «сценируемого круглого стола», которые публикуются в авторской редакции, а также обобщённые результаты состоявшейся дискуссии.

«Сценируемый круглый стол» был проведён в рамках реализации исследовательской программы ДВО РАН «Конфликтный потенциал и зоны напряжённости на восточных рубежах России: структурные трансформации и прогнозы развития», грант ДВО РАН № 18-5-040.

Руководитель гранта и ведущий СКС — чл.-корр. РАН, зав Центром азиатско-тихоокеанских исследований ИИАЭ ДВО РАН В.Л. Ларин.

Ключевые слова: Северо-Восточная Азия, Корейский полуостров, межкорейское урегулирование, Северная Корея, США, Китай, Россия, Япония, переговоры.

ANNOTATION

On February 28, 2019 Centre for Asia-Pacific Studies of Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of Far East held a scripted round table (SRT) “Korean Peninsula as a Gordian knot of North-East Asia”, moderated by corresponding member of RAS Viktor Larin. The following researchers of the institute took part in the SRT: Anna Simonenok, Valerii Mishin, Vitalii Boldyrev, Egor Razumov, Sergei Pestsov, Elena Goriacheva, as well as invited experts: Prof. Igor Tolstokulakov. Prof. Viktor Gorchakov, Evgenii Rusetskiy, Evgenii Volosastov and research fellows of Centre for Asia-Pacific Studies participated in discussion.

All the participants pointed as well as in their reports and during discussion that modern period is an outstanding one in Korean history. The nuclear war threat, which put Korean peninsula on the brink of destruction, turned into active diplomacy by U.S., R.O.K and North Korea, which had never been held before in such a way. Thus, unprecedented changes in inter-Korean reconciliation appeared and US—DPRK dialog started in this context.

SRT participants brought into focus, that despite the sanctions pressure North Korea has already entered the era of new of socio-economical development: signs of “internal marketization” are seen in agriculture, trade, service, logistics. As for science, there was a qualitative breakthrough, which provided military advancement. By the end of 2017 it let Kim Jong Un to declare national nuclear forces establishment and creation of power structures where WPK role was leading.

By using internal forces consolidation and nuclear shield Kim Jong Un made an unprecedented step in North Korean diplomacy. He digressed from aggressive rhetoric and nuclear blackmail to the

peaceful dialog with USA and South Korea. Moon Jae In policy for rejection of conservative approaches and system revision of previous South Korean domestic and foreign policy promoted this posture. Seoul had quickly supported Pyongyang's peaceful initiatives. It promoted inter-Korean contacts development on different levels, including two summits between both Korean leaders.

D. Trump's decision to provide talks with Kim Jong Un was a result of these trends. During Singapore summit (June 12, 2018) parties admitted a model for settlement of U.S.—DPRK relations: North Korean denuclearization in exchange for U.S. security guarantees. Though the result seems as an illusion in some sense, we can admit that the sides not only 'weakened' the Gordian knot of the Korean problem but removed threat of regional nuclear war as well.

China will still play a meaningful role in Korean peninsula's affairs. In context of triangle DPRK—USA—ROK relations Beijing prefers regional status-quo modification with its national interests. Despite the fact that China supported UN sanctions and cut trade with North Korea to the remarkable extent, it is going to support Kim Jong Un's regime to save paternalist relations with it.

Japanese policy toward North Korea is determined by problems of historical memory and subordinated role in its alliance with United States. So Tokyo is not going to make independent steps to bring itself closer to Pyongyang but for negotiations on traditional kidnapped citizens issue.

In the period of intensive transformation Russian policy had been determined by its adherence to joint "road map" with China, by North Korean missile and nuclear program double suspension, collective security system establishment. Because of different reasons including traditional adaptation in accordance with regional partners' opinions formally Russia appeared pushed aside Korean reconciliation. Such involvement is unfavorable for Russian interests in that region. If the approach is not changed, isolation of Russia will grow and Russian influence potential will decay to zero. It is supposed that Russia may overcome its negative remoteness from regional policy by policy coordination with China, by making the road map full of innovatory ideas and suggestions, by claiming Russia as a supporter of weakening and further lifting of sanctions against DPRK.

SRT participants' reports in author's edition and summary of the discussion are published in this issue of bulletin "Watching the Pacific". The scripted round table had been held to realize FEB RAS research program "Conflict potential and tensions zones at eastern borders of Russia: structural transformations and development forecasts realization. Grant No. 18-5-040. Victor Larin (corresponding member of RAS, head of Centre for Asia-Pacific Studies IHAE FEB RAS is a research grant leader.

Key words: North-East Asia, Korean peninsula, inter-Korean reconciliation, North Korea, United States, China, Russia, Japan, negotiations.

МЕЖКОРЕЙСКИЙ ДИАЛОГ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ.

Толстокулаков Игорь Анатольевич,
доктор исторических наук, профессор кафедр
ры корееведения, директор Центра кореевед-
ческих исследований Дальневосточного феде-
рального университета, г. Владивосток, Россия
E-mail: tia1963@rambler.ru

Tolstokulakov Igor A.
PhD, Doctor of History, Professor at the
Chair of Korean Studies, Director of the
Center for Korean Researches, School of
Regional and International Studies, Far East-
ern Federal University, Vladivostok, Russia
E-mail: tia1963@rambler.ru

Переформатирование современной международной системы не может не сказываться на состоянии и на перспективах региональных проблем, включая движение к национальному единению у разобщённых наций и государств. Не остаётся в стороне от данного процесса и Корейский полуостров, на смену многолетней конфронтации РК и КНДР с весны 2017 г. постепенно приходят явные и скрытые механизмы, призванные облегчить взаимодействие двух корейских государств, но при этом вряд ли решающие корейскую проблему в целом или приближающие перспективу объединения страны. Тем не менее, современная ситуация в каждом корейском государстве создаёт определённые условия для их взаимного сближения двух. Прежде всего, нам хотелось бы видеть снижение степени прямой зависимости межкорейского диалога от идеологических устоев Севера и Юга. Определённую позитивную роль могло бы сыграть также усиливающееся на рубеже XX—XXI вв. чувство этнической и культурной целостности корейской нации.

Сразу же оговоримся, что речь идёт, скорее о намечающихся тенденциях, нежели чем о случившемся факте.

Прошлое: очевидное засилье идеологии

К сожалению, история межкорейского взаимодействия на протяжении семидесяти трёх лет развивалась по более чем нестабильному и, преимущественно, конфронтационному сценарию.

Проблема воссоединения Кореи всегда занимала важное место в идеологии двух корейских государств. КНДР и РК не раз выступали с собственными объединительными концепциями, формирование

и применение которых всегда определялись политическими интересами государственной верхушки. К сожалению, идеология национального единения, несмотря на её безусловную популярность и доминирующее положение в общественном сознании Севера и Юга, так и не стала приоритетом национальной политики ни Северной, ни Южной Кореи. Оба корейских государства видели главную свою задачу в обеспечении интересов и безопасности собственных политических элит, поэтому их идеологический курс был направлен в большей степени на сохранение национального раскола, нежели на его преодоление.

Разумеется, идеология межкорейских отношений за прошедшие семьдесят с небольшим лет претерпела определённую эволюцию, и здесь мы можем выделить несколько этапов:

- ориентация на «силовое» решение корейской проблемы (1948 — начало 1960-х гг.);
- поиск точек соприкосновения и путей сотрудничества (1960 — конец 1980-х гг.);
- взаимное признание и построение равноправных межгосударственных отношений (с начала 1990-х гг. по 2008 г.);
- возврат к конфронтационному режиму межкорейских отношений (2008—2017 гг.);
- попытка «ренессанса» корейской оттепели (с весны 2017 г.).

Позволим себе небольшой исторический экскурс, который может оказаться полезным для понимания текущей ситуации.

Руководство КНДР изначально нацеливается на сохранение собственной власти любыми средствами, но на раннем этапе (до начала 1990-х гг.), не менее важной была установка на распространение социалистической системы на Юг, именно этому служила массированная пропагандистская обработка собственного населения и мобилизационная политика в разных её вариантах, начиная с классического *чучхе* и заканчивая концепцией *сонгун*. Концентрированным выражением такого подхода к проблеме национального раскола стали идеологема «*Хару палли тхонъирхаджа!* / „Незамедлительно (букв. — за одни сутки) объединим [Родину]!“» и пришедшая её на смену в 1970-х гг. более умеренная модификация о «достижении единства Родины ещё при жизни данного поколения». В то же время партийно-государственное руководство КНДР не без оснований опасается потерять своё привилегированное положение в результате экономического и политического давления со стороны южнокорейской элиты. И, хотя объединительные лозунги окончательно с повестки дня не сняты, с приближением XXI в. их усилили т. н. «политическим завещанием великого вождя Ким Ирсена», который за несколько дней до кончины в июле 1994 г. призвал граждан КНДР «объединить родину в скорейшие сроки, но при этом сохранить верность революционным чучхейским идеалам».

Сеульское руководство также рассчитывает поставить единую Корею под свой контроль, но в этом случае следует учитывать не только его официальный курс, но и общественное мнение Южной Кореи. Для массового сознания Юга характерны «тревожные» ожидания

в связи с предстоящим решением корейской проблемы: процесс объединения ассоциируется с серьёзными экономическими лишениями и угрозой потерять работу, положение в обществе или стать объектом политических репрессий. Граждане Республики Корея не хотят рисковать своим благосостоянием, привычным образом жизни, демократическими завоеваниями даже ради того, чтобы ускорить национальное единение. Общественное сознание апеллирует к негативным сторонам германского опыта, принёсшего немецкому народу серьёзные экономические и социальные проблемы, при этом подчёркивается, что в условиях Кореи ситуация ещё более усугубляется спецификой и многочисленными внутренними проблемами современной Северной Кореи.

Мы не случайно столько места в выступлении отвели идеологии, поскольку она всегда играла и продолжает играть определяющую роль в формировании режима межкорейского взаимодействия. В случае Северной Кореи это нам, выходцам из Советского Союза, вполне понятно. Однако и Южная Корея в данном вопросе оказывается весьма зависимой от идейных конструкций.

Обратим внимание на эволюцию отношений РК и КНДР с начала 1990-х гг. Южнокорейское руководство с приходом в него одного из трёх великих Кимов (Ким Джонпхиль, Ким Тэджун, Ким Ёнсам) — Ким Ёнсама в 1990 г. — постепенно внедрило демократические принципы и в сферу межкорейского взаимодействия. Отсюда — успех 1991 г., когда в декабре были подписаны беспрецедентные для двух корейских государств документы: Соглашение о примирении, ненападении, сотрудничестве и обменах от 13.12.1991 г. и Декларация о безъядерном статусе Корейского полуострова от 30.12.1991 г. Сегодня о них практически никто уже не вспоминает, а зря ведь это был первый реальный шаг к национальному примирению. Либеральные президенты Ким Тэджун и Но Мухён продолжил движение в рамках известной политики «солнечного тепла», и это сделало возможным первые межкорейские саммиты в июне 2000 и в октябре 2007 г.

От начала 1990-х гг. до 2007 г. был пройден огромный путь, главное, что, начиная с Ким Ёнсама, демократы проводили последовательную политику в отношении КНДР, лишённую внутренних противоречий и «откатов» назад. Отметим, что все они, невзирая от какой — оппозиционной или правящей партии — избирались президентом, следовали демократической идее в межкорейском взаимодействии.

Однако 2008 г. изменил всё, по той причине, что следующие девять лет политику Сеула определяли консерваторы, приведшие к полному разрыву межкорейских отношений и прекращению каких бы то ни было контактов. И снова во главе угла — идея, но теперь уже о том, что не следует помогать Пхеньяну наращивать свой экономический и военный потенциал. Вопрос: почему же в октябре 2007 г., уже после первых ядерных испытаний и выхода КНДР из режима нераспространения, можно было идти даже на саммит, а через несколько месяцев — нельзя. Ответ мы дали, но только частично: (1) *изменилась идеология* южнокорейского руководства, демократические тенденции сменились

консервативными. Но есть ещё одна причина, о которой не следует забывать, особенно сейчас, в нашем стремительно меняющемся мире: (2) с приходом к власти консерваторов вновь **возросла зависимость Сеула от Вашингтона**. Эти два обстоятельства практически за несколько месяцев свели на нет почти 20-летние усилия по нормализации отношений КНДР и РК, начавшиеся с конца 1980-х гг.

Настоящее: ренессанс «межкорейской оттепели»

К счастью, история имеет свойство время от времени повторяться, и политику Южной Кореи сегодня снова определяют демократы, на этот раз, скорее центристы, чем либералы. Политическая жизнь РК теперь определяется переформатированием политических сил, случившимся весной 2017 г. в ходе внеочередных президентских выборов. Результатом этого переформатирования стало появление новой партии — Демократической партии *Тобуро*. На наш взгляд, она стала особым явлением внутриполитической жизни Южной Кореи; изначально партия строилась на основе союза консервативно настроенных демократов и демократически настроенных консерваторов. Иными словами, *Тобуро* — это объединение умеренной части политической элиты, взгляд которой можно считать центристскими; по крайней мере, в том варианте, когда она вышла на президентские выборы 2017 г. Отметим, что для политической системы РК пока не характерно формирование центристских партий и, тем более, их приход к власти. Вопрос в том, сохранит ли *Тобуро* свои центристские свойства в ходе практической деятельности или начнётся дрейф в ту или иную сторону, что может привести её к расколу или окончательному выбору в пользу демократической или консервативной позиции.

Это важно по той причине, что центристские силы способны «умирять» крайности демократической и консервативной идеологии, т.е. от них можно ждать меньшей зависимости от идейных установок и большего прагматизма в практических действиях. Во всяком случае, мы сейчас это видим по смягчению режима межкорейского взаимодействия, активно начавшемуся с весны 2018 г., после стабилизации партии *Тобуро* и администрации Мун Джэина. Важно, что президент при поддержке своей партии и примерно 40—48% населения (по данным опросов общественного мнения в октябре — ноябре 2018 г.) решает две принципиальных внешнеполитических проблемы: (1) реализует установку на примирение и сотрудничество с КНДР и (2) пытается придерживаться большей самостоятельности во внешней политике, включая межкорейское взаимодействие. В данном контексте он, на наш взгляд, достаточно близок к позиции двух демократических президентов РК Ким Тэджунa и Но Мухёна.

Думаю, что в нашей аудитории нет необходимости описывать конкретные события текущего этапа межкорейского взаимодействия, который мы условно назвали «попыткой «ренессанса» корейской

оттепели», напомним лишь, что здесь мы видим широкий спектр: от июньского 2017 г. (15.06.2017 г.) предложения возобновить диалог Севера и Юга без каких-либо условий в случае отказа КНДР от новых ракетных и ядерных испытаний и до двух новых саммитов в апреле и сентябре 2018 г. Если верить источникам, планировалась и третья встреча в середине декабря, на которой мог быть поставлен вопрос даже о регулярном авиасообщении между Сеулом и Пхеньяном.

Иными словами, Мун Джэин уже сделал немало для нормализации отношений с Севером. На наш взгляд, уместно вести речь об осторожной и постепенной реинкарнация «политики солнечного тепла» как идейной основы для восстановления межкорейского диалога.

Возвращение в политический дискурс и практику южнокорейского государства идеи о поддержании диалога с КНДР — это чрезвычайно важное событие последних двух лет. Оно отражает намерение Сеула самостоятельно решать северокорейскую проблему в рамках прямых контактов с Пхеньяном.

Перспективы:

Сеул по-прежнему стоит перед выбором

Сейчас мы видим пять основных проблемы, способные повлиять на перспективу развития ситуации:

1. Способность Сеула сохранять самостоятельность в действиях по отношению к КНДР.
2. Способность внешних сил влиять на ситуацию на Корейском полуострове, включая поддержание санкционного режима против КНДР.
3. Способность Сеула выдвинуть повестку дня, приемлемую для северокорейского руководства.
4. Отсутствие преемственности в политике по отношению к КНДР
5. Способность Сеула обеспечить политике в отношении КНДР достаточную поддержку общества.

Степень самостоятельности внешнеполитического курса южнокорейского государства всегда оставалась под вопросом, даже в лучшие времена, когда Но Мухён демонстративно подчёркивал свой отказ от слепого следования в русле политики Вашингтона. Мы уже слышали и иногда наблюдали подобные «попытки» некоторых представителей администрации Мун Джэина. Так, нередко озвучивалась мысль о том, что ждать уступок со стороны КНДР можно лишь при условии «встречного движения», и поэтому Сеул рассматривает возможность понизить масштабность южнокорейско-американских военных учений, уменьшить количество американских стратегических вооружений на юге полуострова. Специальный помощник президента по вопросам внешней политики и безопасности Мун Чжонин даже заявил, что военный союз с США не является незыблемым, есть вероятность его осложнения из-за споров вокруг ТНААД.

Но ведь по многим вопросам дальше громких заявлений так и не пошло... Судьба американской противоракетной системы в Южной Корее теперь уже и не обсуждается. Основой внешней политики Сеула остаётся стратегический альянс с США, и он будет сохраняться при любой южнокорейской администрации. До последнего времени Вашингтон позволял Сеулу проявлять больше самостоятельности в разрешении кризиса на Корейском полуострове, однако уже сейчас есть тревожные симптомы: 30 ноября администрация президента РК заявила, что точная дата визита Ким Ченына в Сеул остаётся неопределённой, но в декабре он точно не состоится. Мы уверены, что фактический отказ от проведения третьей встречи лидеров корейских государств в 2018 г. напрямую связан с отменой американско-северокорейского саммита. Значит давление Вашингтона на Сеул остаётся вполне результативным. Свобода действий Сеула по отношению к КНДР по-прежнему ограничена.

Подобная изменчивость позиций вполне укладывается в курс Дональда Трампа, склоняющегося к максимальному давлению на КНДР и вовлечённости в него Сеула. Сингапурская встреча была нужна для внутриамериканской политической повестки, цели достигнуты, и теперь по отношению к Пхеньяну снова можно стать строгим. Ждать от США реальной и последовательной поддержки межкорейского урегулирования, по меньшей мере — наивно. Мы уже привыкли, что Д. Трамп говорит одно, а делает другое или даже сначала говорит одно, потом другое, а делает третье. Такая непоследовательность американцев — **главная угроза** начавшемуся процессу межкорейского потепления.

Вовлечённость внешних сил — это ещё один аспект, затрудняющий решение корейской проблематики в целом и снижающий возможную её самостоятельность в частности. Опыт проведения и результативность шести сторонних переговоров — тому подтверждение. Слишком разные интересы и приоритеты у заинтересованных сторон на Корейском полуострове. Свои цели преследуют и США, и Япония, и даже Китай. Полагаю, что Пекину КНДР ещё долго будет нужна как раздражающий фактор в пику Вашингтону, особенно на фоне развивающихся сейчас взаимных противоречий. Единственное в чем можно быть уверенным — это заинтересованность руководства КНР в снижении степени напряжённости на полуострове, а значит — в реальной поддержке межкорейского диалога.

Российская политика на Корейском полуострове является значительно бóльшим вкладом в решение его проблем, более покладистым Пхеньян делают конкретные экономические и гуманитарные программы, снижающие степень напряжённости экономических, социальных, продовольственных и прочих проблем Северной Кореи, вовлекающие КНДР в международное сотрудничество и обучающие её руководство вести себя цивилизованно, руководствоваться общепринятыми нормами.

Отметим, что важным обстоятельством успешных контактов с Пхеньяном является приемлемая для него повестка переговоров.

Сеул вроде как ведёт речь о диалоге без предварительных условий, но это выглядит лукаво, и не понятно кому данное лукавство адресовано: то ли северокорейскому руководству, то ли южнокорейскому общественному мнению... Ведь одно условие развития диалога остаётся: это отказ от новых ядерных и ракетных испытаний и дальнейшая денуклеаризация КНДР. Пхеньян согласился на отказ от новых испытаний, но «денуклеаризацию» две корейские стороны понимают по-разному. Для Сеула она означает уничтожение северокорейского ядерного арсенала, а для Пхеньяна — всего лишь отказ от его дальнейшего наращивания. Примирить эти мало совпадающие позиции, кажется, невозможно, но необходимо, иначе не получится ни межкорейского, ни американо-северокорейского переговорного процесса. Значит, и в отношении «денуклеаризации» нужен компромисс, устраивающий КНДР. Насколько к нему готова Южная Корея? У нас ответа на этот вопрос нет, но мы помним, как негативно настроен к подобному компромиссу Вашингтон...

Учитывая это, мы можем предположить, что Мун Чжэин готов проявить стратегическое терпение в отношении КНДР, чтобы подготовить почву для перемен на Севере, но для этого ему потребуется максимальное сотрудничество с мировым сообществом с целью вовлечения Пхеньяна во взаимодействие. Этому мешает санкционный режим, а точнее — делает его невозможным. На наш взгляд международный санкционный режим против КНДР (1) после возобновления межкорейского диалога выглядит анахронизмом и вредным, (2) в современной России он давно себя уже дискредитировал. Я не призываю снять санкции с Пхеньяна здесь и сейчас, но относиться к ним нужно более гибко, иначе хрупкая конструкция перемирия может сломаться от одного неверного действия. Наиболее негативное влияние санкционный режим оказывает на экономическую сферу, проще говоря он делает невозможным какое-либо взаимодействие двух корейских государств в экономическом отношении. В таких условиях бессмысленно вести речь не только о масштабных межкорейских или трёхсторонних (с участием России) проектах, но даже о возобновлении элементарного экономического взаимодействия и обмена. Что же остаётся? Исключительно политическая и гуманитарная сфера. В современных условиях можно лишь надеяться на последовательное смягчение режима межкорейского взаимодействия, для большего требуется принятие кардинальных решений международным сообществом, что выглядит малореальным.

КНДР и РК, за счёт стремительной демократизации южнокорейского общества и формирования новой идеологической среды после кончины Ким Чен Ира в КНДР — всё это создаёт условия для взаимного сближения двух корейских государств. Однако в политике Сеула на Корейском полуострове нет преемственности, она может меняться даже не один раз в 10—15 лет, как это было с конца 1990-х гг., а каждые четыре года, если к власти в Сеуле поочерёдно будут приходить представители разных политических сил. Отсутствие

последовательности и преемственности северокорейского курса РК — весьма серьёзная угроза, которую наши южнокорейские коллеги должны осознать и ввести какой-то иной внутривнутриполитический механизм, нежели действующие сейчас.

И, наконец, сложность общественного восприятия политики по отношению к КНДР, которая существует в южнокорейском обществе. Подробно об этом мы говорить не будем, подчеркнём лишь объективное обстоятельство: смену поколений в двух корейских государствах. С одной стороны, это явление облегчает путь к взаимопониманию, ибо среди молодого поколения образ врага в лице соседа не столь ярок. Новым поколениям лидеров и простых граждан легче поддерживать межкорейский диалог; однако, с другой стороны, они в меньшей степени заинтересованы в воссоединении, поскольку не испытали на личном жизненном опыте непосредственную трагедию раскола, братоубийственной войны и разделённых семей.

Северная Корея решает вопрос преемственности поколений по проблеме объединения привычным и достаточно эффективным методом идеологической обработки населения, в первую очередь подрастающего поколения. На Юге ситуация выглядит иначе, здесь представлен широкий спектр подходов к проблеме национального раскола: от радикальных призывов к незамедлительному объединению с КНДР без каких-либо предварительных условий и подготовки до полного отрицания самой возможности или необходимости единения.

В настоящее время большинство специалистов отрицают вероятность единовременного объединения Кореи в результате какого-либо политического акта, в равной степени нереальным считают они и «силовой» вариант. В такой ситуации не лишне обратиться к китайскому опыту, основанному на идеологеме **«одна нация — две системы»**. Такой вариант решения общей проблемы может максимально устроить обе стороны, поскольку постепенный и поэтапный процесс восстановления национального единства позволяет избежать дестабилизирующих и высокочрезвычайных факторов, но даёт надежду на решение проблемы разделённой нации в перспективе. Признав такую возможность, можно запустить наиболее реальный объединительный механизм: первоочередное развитие всестороннего экономического и гуманитарного сотрудничества, работающего на восстановление единого национально-культурного пространства, на этноконсолидацию. И только после этого можно будет вести речь о политическом сближении и объединении двух Корей, но для этого нужно, опять же, начать с существенной идеологической перестройки в сознании и в сердцах корейцев, живущих и на Севере, и на Юге.

Парадигма развития ситуация на Корейском полуострове в последние годы сохраняет угрозу конфликта и делает её достаточно реальной. В таких условиях **устранение главной причины** — конфронтации Республики Корея и КНДР — вне всяких сомнений, главное условие для обеспечения не только региональной, но и глобальной безопасности. На корейских, и в первую очередь, южнокорейских

коллегах лежит вся полнота ответственности за развитие ситуации на Корейском полуострове. Не только Пхеньян, но и Сеул отвечают за сохранение мира в СВА, а обеспечить его можно только при поддержке сбалансированных отношений двух корейских государств. Сегодняшняя задача заключается в восстановлении нормального режима межкорейского взаимодействия, к сожалению, пока лишь политического и гуманитарного, завтра при определённых условиях можно будет возрождать экономические контакты, и только после завтра — надеяться на что-то большее.

ЮЖНОКОРЕЙСКИЙ ВЗГЛЯД НА СЕВЕРОКОРЕЙСКИЕ РЕАЛИИ (по материалам южнокорейской прессы)

Симоненок Анна Владимировна

к.и.н., научный сотрудник Лаборатории ситуационного анализа Центра Азиатско-Тихоокеанских исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток
E-mail: asimonenok@yandex.ru

Simonenok Anna V.

Candidate of science (history), researcher of Laboratory for Strategic Case-studies, Centre for Asia-Pacific Studies, Institute of history, archeology and ethnography of Peoples of Far East FEB RAS, Vladivostok
E-mail: asimonenok@yandex.ru

После долгого периода охлаждения межкорейских отношений и ещё более опасного обострения между Вашингтоном и Пхеньяном на Корейском полуострове началась «весенняя оттепель». Прогресс в межкорейских отношениях на межгосударственном уровне привёл к сдвигам в общественном сознании южнокорейцев, сформировав у них более доверительное и дружелюбное отношение к северному соседу. Эта тенденция прослеживается и на уровне общественного мнения, и на уровне экспертных оценок.

Согласно последним опросам общественного мнения 8 из 10 южнокорейцев приветствуют движение двух Корей навстречу друг другу и поддерживают подписание мирного договора с КНДР [1]. Переломным в этом вопросе стал межкорейский саммит 27 апреля 2018 г. Если до него доверяли Северной Корее лишь 15% опрошенных, то

после апрельской встречи 65% респондентов ответили, что доверяют миролюбивым заверениям Пхеньяна и его готовности к денуклеаризации. Причём среди положительно ответивших 52,1% сказали, что только недавно поменяли своё мнение в лучшую сторону [2].

Большую роль в формировании общественного мнения сыграли (и продолжают играть) ведущие печатные издания Южной Кореи (Кореа Таймс, Кореа Геральд, Хангёре, Рёнхап), которые на своих страницах всё чаще стали публиковать материалы о позитивных изменениях в Северной Корее, а также альтернативные точки зрения. Судя по количеству публикаций, особый интерес у южнокорейцев вызывает ситуация в экономике КНДР.

И учёные-эксперты, и государственные чиновники, и перебежчики из Северной Кореи, и обычные туристы-путешественники, побывавшие недавно в этой стране, отмечают, что с приходом Ким Чен Ына экономика стала оживать, а уровень жизни северокорейцев улучшился.

На бытовательском уровне это заметно по тому, как в лучшую сторону изменилась ситуация с энергоснабжением. В магазинах расширился ассортимент товаров, разнообразнее и полноценнее стал рацион большинства категорий северокорейцев. На дорогах крупных городов в разы увеличилось количество транспортных средств, повсеместно наблюдается строительный бум. Неотъемлемой частью жизни северокорейцев стала мобильная связь, по данным Института развития информационного общества Кореи количество абонентов насчитывает примерно пять миллионов (около 20% населения) [3].

Если говорить об экспертных оценках, то их тон тоже заметно смягчился. Южнокорейские аналитики отмечают позитивные сдвиги в системе функционирования северокорейской экономики. Вмешательство государства в экономическую деятельность сократилось, производителям предоставлены более широкие финансовые и правовые возможности, в частности бóльшая свобода действий при планировании и реализации собственной продукции, вплоть до того, что предприятия могут сами устанавливать цены на определённые виды продукции, произведённой сверх плана.

Эксперты из Корейского института национального объединения (KINU) говорят, что при Ким Чен Ыне в экономике КНДР начали происходить структурные сдвиги, о чём свидетельствует широкое распространение рыночных отношений. Сегодня северокорейское руководство уже не считает рынки чем-то неблагонадёжным, требующим постоянного контроля и жёсткого ограничения. Как следствие — количество рынков за последнее время резко увеличилось. На сегодняшний день их насчитывается не менее 500, только в одном Пхеньяне — 30 [4]. Самые крупные рынки (4—5 по всей стране) — это целые торгово-производственные комплексы, которые кроме торговых площадей имеют ещё и свою довольно обширную производственную базу мастерских. По мнению одного из ведущих экспертов по экономике КНДР, профессора Университета северокорейских исследований Ян Мун Су, «рыночная деятельность в Северной Корее уже стала необратимой» [4].

Говоря об успехах северокорейской экономики, исследователи, однако, отмечают, что драйвером экономического развития КНДР является не промышленное производство, а сфера услуг: торговля, туризм, жилищные услуги. И в настоящее время северокорейское правительство продолжает активно стимулировать эту сферу, например, создавая благоприятные условия для кредитования граждан, или активно внедряя систему электронных платёжных карт [5].

Экономические перемены в Северной Корее повлекли за собой существенные социальные сдвиги. Среди наиболее заметных — появление нового социального класса, так называемые «тончжу» (в буквальном переводе «хозяева денег»). Это своего рода северокорейские буржуа, которые играют ключевую роль в сфере торговли и частных инвестиций, активно продавая китайские товары и кредитуя население и производство.

Меняется образ жизни и культура поведения северокорейцев. По свидетельству многих, побывавших в этой стране в последнее время, её граждане стали более открытыми, дружелюбными, улыбчивыми. В общественных местах можно встретить воркующие парочки, а мужчины и женщины могут даже публично приобнять друг друга, делая, например, сэлфи. Японский фотокорреспондент Хатсузава Ари, делавший репортаж из Северной Кореи, написал: «Я никогда не видел ничего подобного при Ким Чен Ире» и назвал изменения, происходящие в северокорейском обществе, «ошеломительными» [6].

Среди бывших северокорейских перебежчиков распространено мнение, что проводником новой открытой культуры отношений является сам Ким Чен Ын. Например, он не делает тайны из своего брака и нередко появляется на публике, держа за руку свою жену Ли Соль Чжу, что для северокорейцев, которые про своих прежних лидеров не знали даже, есть ли у них вообще жёны, является вершиной открытости и доступности [6]. Неудивительно поэтому, что северокорейцы испытывают к Ким Чен Ыну большую симпатию и доверие, чем к его предшественникам, а отношения высокопоставленной четы уже становятся моделью для подражания молодых корейцев.

Резкий поворот северокорейского руководства от политики наращивания вооружения и тактики угроз к мирному диалогу заставляют южнокорейцев задуматься о причинах таких внезапных перемен. По мнению ряда экспертов, не выдерживает критики точка зрения Вашингтона, которая сводится к тому, что пойти на мирные переговоры Ким Чен Ына вынудила жёсткая санкционная политика. Во-первых, по признанию даже некоторых американских аналитиков* Ким Чен Ын вовсе не выглядит капитулирующим перед лицом США, а скорее ведёт себя как сильный и независимый игрок [6]. А во вторых, если посмотреть на динамику экономического роста Северной Кореи, то становится очевидным, что она не снижается, несмотря на все санкции и меры «беспрецедентного давления». Мало того, по признанию

* В частности, приводится мнение Джона Феффера, директора Foreign Policy In Focus — издания Института политических исследований, США.

председателя Совета национальной безопасности и бывшего министра по делам объединения Южной Кореи Ли Чжон Сока, ряд отраслей, таких как строительство, электроэнергетика, транспорт сегодня в Северной Корее развивается даже активнее, чем два года назад [7].

Исходя из этого, делается неожиданный вывод, что экономический рост КНДР, вероятно, не так катастрофически зависим от торговых связей с Китаем, поскольку Пекин в целом соблюдает санкции СБ ООН. И как бы ни были велики объёмы незаконной торговли КНДР с КНР, но общий товарооборот двух стран в настоящий момент, безусловно, ниже, чем до введения санкционного режима. А значит, двигателем северокорейской экономики является не столько внешняя торговля, сколько внутренние динамические процессы.

Безусловно, санкции поставили экономику Северной Кореи в тяжёлые условия, но, по мнению экспертов, не ввергли её в критическое состояние. Многие южнокорейские аналитики считают, что миролюбивые инициативы Ким Чен Ына — это не попытка избежать гуманитарной катастрофы (массовый голод сегодня Северной Корее уже точно не грозит), а стремление сохранить динамику экономического роста и, освободив страну от санкционных ограничений, создать трамплин для ускоренного экономического развития [8]. И в целом эксперты видят в сегодняшней Северной Корее большой потенциал, сравнивая её с Китаем 1980-х годов, а Ким Чен Ына — с Дэн Сяопином, который в конце 1970-х годов открыл страну и экономику для западного капитала, заложив тем самым фундамент для будущего экономического бума [9]. Такие же перспективы сегодня открываются и перед КНДР, но при определённых, всем известных, условиях.

В завершении хотелось бы отметить, что южнокорейское общество сохраняет трезвый взгляд на Северную Корею. В прессе не отрицаются и не замалчиваются негативные факты о КНДР: что страна переживает хроническую нехватку электроэнергии и топлива, на большинстве предприятий устаревшее и изношенное оборудование, состояние транспортной инфраструктуры в целом неудовлетворительное, а значительная часть северокорейских граждан по-прежнему недоедает. Однако уже практически нигде не встречаются тезисы о «надвигающемся крахе умирающей экономики» и «бесчеловечном северокорейском режиме».

ССЫЛКИ / REFERENCES

1. South Koreans overwhelmingly support a peace agreement to end Korean War. 21.04.2018. URL: http://english.hani.co.kr/arti/english_edition/e_northkorea/841484.html (дата обращения: 22.04.2018).
2. 65% of South Koreans trust Kim Jong-un's denuke pledge. 30.04.2018. URL: http://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2018/11/356_248198.html (дата обращения: 30.04.2018).
3. North Korea's IT proficiency attracts attention worldwide. 30.07.2018. URL: http://english.hani.co.kr/arti/english_edition/e_northkorea/855454.html (дата обращения: 31.07.2018).

4. [News analysis] North Korea's "marketized economy" already at an irreversible stage. 05.02.2019. URL: http://www.hani.co.kr/arti/english_edition/e_northkorea/881048.html (дата обращения: 08.02.2019).
5. North Korea takes strong turn for market economy under Kim. 10.09.2018. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2018/09/103_255301.html (дата обращения: 12.09.2018).
6. From New Rich to dating culture, seismic social changes underway in North Korea. 10.09.2018. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2018/09/103_255293.html (дата обращения: 10.09.2018).
7. [Column] Springtime of Summits. 08.04.2018. URL: http://english.hani.co.kr/arti/english_edition/e_editorial/839589.html (дата обращения: 08.04.2018).
8. [Column] North Korea's internal changes through external observation. 10.09.2018. URL: http://english.hani.co.kr/arti/english_edition/e_editorial/861460.html (дата обращения: 14.09.2018).
9. NK stresses economic policy integrating market-oriented reforms. 23.04.2018. URL: http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20180423000745&ACE_SEARCH=1 (дата обращения: 23.04.2018).

РОЛЬ РОССИИ В КОРЕЙСКОМ УРЕГУЛИРОВАНИИ: ПОПЫТКА КРИТИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ*

Валерий Юрьевич Мишин,

Зав. Лабораторией ситуационного анализа Центра Азиатско-Тихоокеанских исследований Института истории, археологии и этнографии Народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток
E-mail: uran_mishin@mail.ru

Mishin Valerii Yu.

Head of Laboratory for Strategic Case-studies, Centre for Asia-Pacific Studies, Institute of history, archeology and ethnography of Peoples of Far East FEB RAS, Vladivostok
E-mail: uran_mishin@mail.ru

Анализируя итоги российской внешней политики за прошедший год, можно констатировать, что определённые достижения были достигнуты на ближневосточном направлении и Сирии. России удавалось маневрировать между интересами диаметрально противоположных

* Материал подготовлен при поддержке гранта ДВО РАН (проект № 18-5-040 «Конфликтный потенциал и зоны напряжённости на восточных рубежах России: структурные трансформации и прогнозы развития»).

игроков, таких как Израиль, Иран, Саудовская Аравия, Турция. Что же касается дальневосточного направления российской внешней политики, то здесь особых достижений не наблюдалось. Внешнеполитические связи развивались по инерции; в вопросах, носящих принципиальный характер, российская сторона демонстрировала чрезмерную, порой малообоснованную осторожность и завуалированность в высказываниях и действиях. Всё это повлияло на процесс нашей вовлечённости в дела Корейского полуострова. По-сути мы топтались на месте и лишь декларировали общеизвестные намерения и призывы. И это на фоне того, что 2018 г. стал прорывным в корейской истории. Острейшая конфронтация между США и КНДР, поставившая в 2017 г. полуостров на грань физического исчезновения всей Кореи, сменилась небывалой дипломатической активностью Америки, Южной Кореи и Китая, но практически без участия России. В российском активе были лишь протокольные визиты С. Лаврова и В. Матвиенко в Пхеньян, российско-южнокорейский саммит в Москве, плановые заседания межправительственных комиссий в Сеуле и Пхеньяне [1].

В 2017 г. Россия активно позиционировала себя как инициатора и разработчика «дорожной карты», предусматривавшей поэтапную заморозку ракетно-ядерной программы КНДР. Однако в дальнейшем мы как будто растерялись, не зная как действовать дальше, и чем наполнять эту «карту» в условиях потепления межкорейских отношений и американо-северокорейского сближения. В конечном итоге Россия оказалась отстранённой от процессов корейского урегулирования.

Наш партнёр Китай, хотя тоже оказался несколько отодвинутым от переговорного процесса, но сохранил рычаги управления ситуацией в нужном ему русле. Си Цзиньпин, преодолев раздражённость несговорчивостью и самостоятельностью Пхеньяна, проявил политическую мудрость и дважды встречался с Ким Чен Ыном, чтобы не оказаться на вторых ролях в дипломатическом сближении КНДР с США и Южной Кореей. В свою очередь лидер КНДР, готовясь к саммитам с президентами США и Южной Кореи, показал себя очень расчётливым политиком, смело поднимающим ставки и не пасующим перед могущественными партнёрами. Новая стратегия официального Пхеньяна, который до последнего времени традиционно ориентировался только на автаркию, оказалась более приспособленной к новым условиям.

В период обострения отношений Северной Кореи и Китая Пхеньян предпочёл активизировать связи с Россией, предлагая нам различные политические и экономические авансы. Достаточно вспомнить, что КНДР — единственное государство, которое проголосовало в ООН против введения антироссийских санкций из-за Крыма и Сирии. Однако традиционный скептицизм Москвы в отношении «одиозного режима», желание угодить Китаю, стали тормозом к нашему дальнейшему сближению. Более того, мы ответили неблагодарностью

Пхеньяну поддержав, с оглядкой на Пекин, введение СБ ООН всесторонних экономических санкций. И ещё более тяжёлым ударом для северокорейцев стало решение России согласиться с требованиями США и выслать трудовых мигрантов.

В сфере внешнеэкономических связей и приграничной торговли также проявились застойные явления. Большинство проектов, включённых в планы российско-северокорейских межправительственных комиссий, не получили государственной поддержки и финансового обеспечения. В течение 2017—2018 гг. ни один из проектов не вышел на стартовую позицию, несмотря на преференции с северокорейской стороны. Причина даже не в санкционном режиме, который мы поддержали в ущерб собственным интересам, а в том, что Кремль как и в былые времена оглядывался на «партнёров», которые нам, по большому счёту, ну совсем не товарищи.

В своих аналитических документах ЦАТИ, предвидя резкие изменения на Корейском полуострове, давал оценки и рекомендации, акцентируя внимание на том, что Ким Чен Ын, играя на интересах вовлечённых в северокорейскую проблему акторов, может показать себя совершенно с неожиданной стороны, и недооценка специфики северокорейского режима российскими инстанциями в сочетании с постоянной оглядкой на мнения китайских и южнокорейских партнёров, в конечном итоге, приведут к утрате Россией своего авторитета и роли модератора в корейском урегулировании. По-сути так и случилось. Дальнейшие события показали, что российская дипломатическая риторика северокорейским партнёрам стала больше неинтересна. В нынешних условиях резкого перехода от конфронтации к переговорному процессу с США и Южной Кореей северокорейскому руководству нужна полная уверенность в российской поддержке, как на площадке ООН, так и на региональном уровне. Другими словами, от России требуется твёрдое соблюдение принципов добрососедства и взаимопонимания.

В эти дни в Ханое проходит второй американо-северокорейский саммит. О его результативности будет ещё много говорить аналитики и эксперты, и это, по всей видимости, станет темой нашего очередного «круглого стола».

Окончательные решения американо-северокорейского саммита могут оказаться как прорывными, так и безрезультативными с точки зрения интересов двух сторон. В любом случае, Россия как государство, которое, с одной стороны, выступает за соблюдение статуса-кво на Корейском полуострове, а с другой, строго обеспечивает безопасность своих национальных интересов по периметру дальневосточной границы, должна быть готова к любым вариантам. Как бы не сложилась ситуация на Корейском полуострове после саммита, необходимо недвусмысленно показать Пхеньяну и другим заинтересованным партнёрам, что Россия готова выступать в роли модератора

корейского урегулирования. Кроме того, целесообразно направить усилия на поддержание уровня доверия и принципов добрососедства между Россией и Северной Кореей. В этой связи предлагается в краткосрочной перспективе предпринять следующие меры:

1. Невзирая на санкции, вернуть квоты для северокорейских трудовых мигрантов. Предоставить им возможность пребывания и осуществления трудовой деятельности на территории РФ, мотивируя это необходимостью оказания Северной Корее гуманитарной помощи. Уверены, что подобный шаг в Пхеньяне оценят с большой благодарностью, и репутация России в глазах северокорейского руководства будет восстановлена.
2. Несмотря на скепсис отдельных советников и экспертов, близких к Кремлю, президенту России всё же надо первому посетить Пхеньян, хотя бы по пути в Сеул, Пекин или Токио, а не ждать, когда Ким Чен Ын созреет для визита в Москву.
3. В процессе реализации «дорожной карты» необходимо действовать на опережение и в тесном контакте с китайскими партнёрами, наполнить её нестандартными инициативами, которые не смогут предложить Ким Чен Ыну наши заокеанские оппоненты.

Если у России возможности уйти со вторых ролей в делах Кореи? Есть и вполне реальные. Прежде всего, надо отказаться от традиционной, доставшейся в наследство от прежних времён боязни имиджевых потерь. Россия может с успехом использовать ситуацию, когда Северная Корея вряд ли будет довольствоваться теми гарантиями безопасности, которые могут предоставить США, тем более, что через год внутривосточная ситуация в Америке может кардинально измениться и с приходом другого президента все предыдущие договорённости будут аннулированы. Корейская история хорошо знает подобные примеры и в Пхеньяне всё прекрасно понимают и учитывают. Поэтому для Северной Кореи важны гарантии поддержки других государств и здесь Россия, как крупная держава региона и ближайший сосед КНДР может стать активным участником в создании многосторонних международных механизмов мира и структур безопасности как на Корейском полуострове, так и в СВА в целом [2].

ССЫЛКИ / REFERENCES

1. Фёдор Лукьянов. Создалось впечатление, что Россия всё время массированно врёт. URL: <https://news.sputnik.ru/ekonomika/9e43d7de34503232eb63967227dec943e163b283> (дата обращения: 21.02.2019)
2. Глобальный прогноз РСМД 2019—2024 от 30.12.2018 г. URL: <http://russiancouncil.ru/activity/digest/longreads/globalnyy-prognoz-rsmd-2019—2024> (дата обращения: 21.02.2019).

ПОЛИТИКА Д. ТРАМПА НА СЕВЕРОКОРЕЙСКОМ НАПРАВЛЕНИИ ПОСЛЕ СИНГАПУРСКОЙ ВСТРЕЧИ В ВЕРХАХ

Болдырев Виталий Евгеньевич,
к.и.н., младший научный сотрудник Лабо-
ратории ситуационного анализа, Центра
азиатско-тихоокеанских исследований Ин-
ститута истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока, г. Владивосток.
E-mail: boldyrev89@list.ru

Boldyrev Vitalii,
Candidate of science (history), junior research-
er of Laboratory for Strategic Case-stud-
ies, Centre for Asia-Pacific Studies, Insti-
tute of history, archeology and ethnography
of Peoples of Far East FEB RAS, Vladivostok
E-mail: boldyrev89@list.ru

В настоящее время Д. Трамп сталкивается с рядом проблем, имеющих сугубо внутренние причины. К началу 2019 г. республиканская администрация не предложила эффективно работающую экономическую программу, которая содействовала бы выполнению предвыборных обещаний.

Для действующего президента ухудшился внутривнутриполитический расклад: после победы Демократической партии на выборах в Палату представителей оппозиция получила реальный рычаг блокировать отдельные инициативы президента и в большей степени влиять на его политику, в т.ч. раскручивая маховик антироссийской риторики.

Кроме того усиливается конфликт внутри самой исполнительной власти по линиям вашингтонская бюрократия — назначенцы Трампа и госдепартамент — СНБ.

В этих условиях Д. Трамп больше концентрируется на внешней политике персонально. Здесь он стремится представить себя антироссийским ястребом, создать дополнительные условия для реализации экономической программы посредством переговоров с КНР, решить имиджевую северокорейскую проблему.

Вследствие такого положения дел Д. Трамп на российском направлении демонстративно нагнетает напряжённость в сфере безопасности и ядерного разоружения, но закулисно ищет российского содействия в наиболее сложных для США вопросах. Стремясь уменьшить дисбаланс в торговле с Китаем, он проводит в отношении него комбинацию заградительных тарифов и переговоров. Это негативно сказывается на политическом взаимодействии двух стран по северокорейскому вопросу: Пекин использует ряд формальных и неформальных мер, включая дипломатию, ослабление пограничного контроля, «закрывание глаз» властей на нелегальную торговлю. Такая позиция противоречит логике санкционного воздействия.

Иными словами, Д. Трамп вследствие внутренних экономических и политических проблем сформировал ряд несвязанных друг с другом факторов, негативно влияющих на его политику в отношении КНДР.

Стратегия США в отношении Северной Кореи предполагает следующую динамику: через санкции к дипломатии и денуклеаризации, через дипломатию и денуклеаризацию к либерализации. Приоритеты США выстроены в следующем порядке: нормализация международно-дипломатической обстановки в регионе, денуклеаризация КНДР, контролируемая либерализация Северной Кореи в американских интересах.

Для достижения перечисленных целей Вашингтон использует комбинацию санкций и дипломатии. Санкции продолжают играть роль инструмента, склоняющего северокорейскую сторону к переговорам. Однако появление в ней с ростом напряжённости американо-китайских торгово-экономических отношений бреши заставило Соединённые Штаты по-новому оценить ситуацию. Вместо «санкционной» сети взаимодействия, в которую входили постоянные члены СБ ООН, Вашингтон с осени 2018 г. сформировал дипломатическую сеть взаимодействия по типу корзин, активно вовлекая в неё как региональных, так и нерегionalных участников.

В этом контексте большую роль играют двусторонние отношения США.

Из всех американских партнёров Республика Корея является наиболее заинтересованным в установлении стабильного и предсказуемого мира на Корейском полуострове. Она остаётся верным союзником США, сдерживающим северокорейскую и китайскую военные угрозы. В то же время в ходе диалога с Вашингтоном Южная Корея максимально отстаивает собственные интересы по улучшению обстановки на Корейском полуострове. В связи с этим её руководство избрало роль активного посредника, модифицирующего повестку американского курса в отношении КНДР. Вследствие северной политики РК был существенно снижен градус постоянного военного взаимодействия Вашингтона и Сеула, были смягчены международные санкции в отношении железнодорожной отрасли КНДР на основе прецедента извлечения из-под санкций российско-северокорейского проекта «Хасан — Раджин» [1].

Япония до конца января 2019 г. занимала позицию максимального замораживания статус-кво, сохранения санкционного режима в отношении КНДР и её максимально возможной изоляции. Объективно, такая позиция препятствует американским усилиям по нормализации региональной обстановки.

Но именно Китай создаёт наибольшие проблемы для США в решении северокорейского вопроса. Поначалу Пекин поддержал жёсткие международные санкции, но после начала двустороннего торгового спора регулярно использует пути их обхода, вследствие чего снижается эффективность американской стратегии «через санкции к дипломатии и денуклеаризации». В связи с этим Соединённые Штаты заинтересованы в скорейшем успешном завершении торговых переговоров с Китаем, поскольку смогут вновь использовать дипломатические инструменты для его склонения к более жёсткой позиции в отношении КНДР.

Отношения США с Северной Кореей после внешне успешного саммита в Сингапуре оказались на распутье. Причина состояла в том, что первая встреча в верхах была призвана продемонстрировать готовность сторон к диалогу, однако за ней последовал длительный период неопределённости, поскольку возникли сложности с конкретизацией повестки, которая не только отвечала бы интересам обеих сторон, но и благоприятно воздействовала бы на региональную обстановку.

Россия, Канада и Швеция в данном контексте для США представляются дополнительными помощниками, которые могут содействовать дипломатическому зондажу, налаживанию межгосударственных отношений, ситуационным консультациям.

В настоящее время при сохранении санкций как инструмента, стимулирующего северокорейский режим вести более конструктивную игру, администрация Д. Трампа делает ставку на дипломатическое решение клубка проблем вокруг Северной Кореи. С одной стороны, ведутся переговоры по военно-политической проблематике. На них обсуждаются два вопроса. Первый — формальное прекращение войны. Второй — конкретизация сингапурской договорённости о денуклеаризации Корейского полуострова. Вероятнее всего, сторонам удастся согласовать базовые принципы и параметры, в соответствии с которыми в переговоры вступят специальные группы, которые будут на рабочем уровне обсуждать эту проблематику, а также и привязанные к ней вопросы.

С другой стороны, в процесс сетевой дипломатии США вовлечены и другие страны. Так в Стокгольме при посредничестве принимающей стороны проходят консультации с участием представителей Соединённых Штатов и обеих Корей, в ходе которых, вероятно, вырабатываются меры политического доверия и, как минимум, общие рамки военных мер доверия.

Привлечение к этому формату Японии свидетельствует о стремлении США, обеих Корей и Швеции выработать региональные меры доверия, чтобы нормализовать отношения между государствами.

В России, как в партнёре по урегулированию северокорейской проблемы, США заинтересованы только в случае получения практических ситуационных консультаций.

Канада выступает площадкой для проведения дипломатического зондажа. Его цель — конкретизировать долгосрочные цели и стратегию в отношении КНДР. Они связаны с либерализацией северокорейского общества. Поначалу, Вашингтон здесь делал ставку на обсуждение прав человека. Однако по итогам канадско-северокорейских переговоров, состоявшихся в октябре 2018 г., в США было принято решение ориентироваться на опыт либерализации Южной Кореи. Соответственно, важнейшим условием для запуска этого процесса рассматривается рост экономики и благосостояния общества. Поэтому теперь в этом сегменте политики стратегическим интересом США являются инвестиции в северокорейскую экономику по завершении денуклеаризации.

Таким образом, США и Северная Корея в настоящее время выходят на уровень подготовки конкретного соглашения о денуклеаризации

Корейского полуострова. Его первая часть будет включать общие положения, в т.ч. раскрытие смысла, который вкладывается в используемую терминологию. Вторая будет посвящена механизмам. В третьей будут прописаны взаимные соотносимые шаги сторон.

Ожидалось, что США и Северная Корея в этом направлении предпримут практические шаги в ходе встречи в верхах в Ханое. Но, несмотря на то что процесс принятия решений в отношении КНДР претерпел существенные изменения, а спецпредставитель С. Бигэн получил прямой доступ к президенту, а его встречи с северокаорейскими партнёрами способствовали росту взаимопонимания, они не смогли преодолеть негативное влияние динамики двусторонних отношений. В их числе выделяется сжатые сроки подготовки, чрезмерная зависимость от персонального участия лидеров обеих государств в переговорах, неготовность сторон отойти от ключевых предметов торга, сконцентрировав переговорный процесс на других вопросах, содействующих конечной цели переговоров. Это стало причиной того, что Д. Трамп и Ким Чен Ын покинули Ханой, не подписав итогового документа.

Тем не менее, нельзя считать встречу в верхах провальной. Если стороны не закроются друг от друга и проявят стремление не только к диалогу, но и практическому результату, прошедший саммит станет отправной точкой нового периода американо-северокаорейских отношений.

Чтобы эта тенденция стала реальной, необходимы следующие условия. Во-первых, стороны должны преодолеть краткосрочное и неглубокое ухудшение отношений, которое последует после встречи, или вовсе купировать его. В этом контексте США и РК приняли правильное решение прекратить совместные наступательные военные учения через три дня после завершения ханойского саммита.

Во-вторых, США и КНДР должны сформировать постоянную межведомственную группу, которая отвечала бы за двусторонние переговоры по проблеме ядерного разоружения на Корейском полуострове. Её цель подготовка соответствующего двустороннего договора.

Параллельно США начинают реализацию долгосрочной стратегии по либерализации КНДР. Её ключевым этапом в Вашингтоне рассматривают модернизацию северокаорейской экономики. В этом контексте согласие США на организацию встречи в Ханое выглядит логичным. Возможность изучить результаты вьетнамской модернизации, с точки зрения США, будет полезной для Ким Чен Ына в деле конверсии и реформирования национального хозяйства, будет содействовать росту общественного слоя в КНДР, заинтересованного во внедрении рыночных методов управления.

ССЫЛКИ / REFERENCES

1. United Nations Security Council Resolution 2397 (2017). Adopted on 22 December, 2017. URL: [https://undocs.org/S/RES/2397\(2017\)](https://undocs.org/S/RES/2397(2017)) (дата обращения: 21.06.2018).

КИТАЙ — КНДР: ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ*

Разумов Егор Александрович

старший лаборант Лаборатории ситуационного анализа Центра Азиатско-Тихоокеанских исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г Владивосток
E-mail: razumov.egor@gmail.com

Razumov Egor A.

Postgraduate student of Laboratory for Strategic Case-studies, Centre for Asia-Pacific Studies, Institute of history, archeology and ethnography of Peoples of Far East FEB RAS, Vladivostok
E-mail: razumov.egor@gmail.com

Китай стремится играть ведущую роль в делах Корейского полуострова. Вместе с тем, в свете последних событий, связанных с межкорейским потеплением и началом переговорного процесса с США, Пхеньян стал предпринимать попытки ухода от патерналистского влияния Пекина. Такая линия северокорейского руководства заметно обеспокоила Китай. Свидетельством этого стали четыре визита Ким Чен Ына в КНР, в ходе которых лидеры обсуждали итоги переговоров с президентами Южной Кореи и США.

Несмотря на то, что Китай поддержал санкции ООН в отношении КНДР, он стремится оставаться главным модератором процесса северокорейского ядерного урегулирования. Другой вопрос — насколько успешно ему это удаётся? Хотя Д. Трамп неоднократно заявлял о решающей роли Пекина в денуклеаризации Северной Кореи, он инициировал стратегию по вовлечению КНДР в сферу американских интересов и устранению ядерной угрозы, исходящей от Северной Кореи. Это является ключевой причиной недовольства китайского руководства: его настораживает вероятность быть отодвинутым на вторую роль и утратить влияние на Ким Чен Ына.

В ходе брифингов официальные представители МИД КНР неоднократно заявляли, что Китай всегда выступал и выступает за конструктивный диалог между КНДР и США [1]. В то же время Китай опасается

* Материал подготовлен при поддержке гранта ДВО РАН (проект № 18-5-040 «Конфликтный потенциал и зоны напряжённости на восточных рубежах России: структурные трансформации и прогнозы развития»).

развития ситуации, не отвечающей его ожиданиям. Это подтверждается материалами китайской пропаганды, посвящённые визиту министра иностранных дел Вьетнама в Пхеньян. Они были нацелены на “очернение” Вьетнама, а также поднятие спорных моментов в китайско-вьетнамских отношениях. Стоит отметить, что подобная практика не нова, и хорошо себя зарекомендовала в моменты обострения отношений Китая с другими странами. С одной стороны, китайское руководство таким образом формирует информационный национализм внутри китайского населения. С другой стороны, Китай мягко, но настойчиво даёт понять другим акторам о своей позиции.

Что касается экономического аспекта, то параллельно с подготовкой американской и северокорейской сторонами саммита во Вьетнаме проходили переговоры между КНР и США по обсуждению проблемных вопросов двусторонней торговли. Возникшее торгово-экономическое противостояние носит не только экономический, но и политический характер. И здесь у китайского руководства мало рычагов влияния на американских партнёров. Постепенно торговая война между Китаем и США перетекает в борьбу двух крупнейших экономик мира за передел мирового рынка информационных технологий. Китайская корпорация Huawei Technologies является крупнейшим поставщиком информационного оборудования не только на территории Поднебесной, но и на мировом рынке. Арест канадскими властями финансового директора этой китайской корпорации Huawei Technologies Мэн Ваньчжоу с последующей депортацией в США — не что иное как попытка психологического давления американской стороны на Китай [2].

Возвращаясь к проблемам Северной Кореи, то, несмотря на попытки диалога с США, КНДР продолжает находиться под жёстким санкционным давлением, что изолирует её от внешнего мира и приближает к серьёзным гуманитарным проблемам, таким как вероятность остановки предприятий и острый дефицит продуктов питания и медикаментов. Китай это серьёзно беспокоит и он, чтобы обезопасить себя от последствий гуманитарной катастрофы в Северной Корее, стал использовать возможности общей китайско-северокорейской границы для осуществления нелегальной торговли в обход санкций ООН. В настоящее время контрабанда товаров и грузов, особенно на даньдунском направлении, осуществляемая мелкими и средними коммерческими компаниями, если не поощряется, то во всяком случае не пресекается соответствующими китайскими инстанциями. Таким образом Китай старается сохранять статус-кво в китайско-северокорейских отношениях. Подтверждением тому служит тот факт, что буквально за неделю до второго американо-северокорейского саммита, местные китайские власти официально заявили об открытии транспортного сообщения с КНДР через погранпереход “Даньдун-Синьчжу”. А 23 февраля 2019 г. через Даньдун прошёл северокорейский бронированный состав, на котором Ким Чен Ын через

всю территорию КНР направился на саммит во Вьетнам [3]. Таким образом лидер КНДР показал своё доверие Китаю.

Руководство КНР внимательно отслеживает переговорный процесс США и КНДР, так как, если Ким Чен Ын поддастся давлению Трампа, то это может привести к частичному снятию санкций с КНДР. Этим воспользуется южнокорейский и, возможно, американский бизнес. В результате, Китай потеряет единоличное экономическое влияние на КНДР.

Если в ходе американо-северокорейского саммита в Ханое, КНДР и США смогут достигнуть консенсуса, то тогда Ким Чен Ын получит благоприятную возможность постепенного проведения внутри страны реформ, схожих с теми, которые проводил Вьетнам в 80-ых годах прошлого века. Основной вектор этих реформ будет направлен на формирование основ для либерализации северокорейской экономики. Однако на сегодняшний день такой сценарий внутреннего развития Северной Кореи маловероятен потому, что это повлечёт за собой трансформацию и существенные изменения в социально-экономической и политической жизни страны. Нынешний руководитель КНДР Ким Чен Ын учился за рубежом и полученные знания дают ему возможность понимать и оценивать западную модель развития рыночной экономики.

Надежды китайской стороны на более активное участие в переговорном процессе по денуклеаризации Корейского полуострова основаны на том, что между Пхеньяном и Вашингтоном нет взаимного доверия. Анализ действий китайского руководства в период между американо-северокорейскими саммитами в 2018—2019 гг., убеждает нас в том, что Пекин никогда не откажется от своей прежней роли в делах Корейского полуострова. В свою очередь, Ким Чен Ын даёт понять, что роль Китая по-прежнему велика, и Пхеньян и в дальнейшем будет координировать свою политику с оглядкой на “старшего брата”. Неслучайно задолго саммита китайскими СМИ было заявлено, что после переговоров во Вьетнаме Ким направится в китайский город Гуанчжоу [3], где встретится с китайским лидером и проинформирует его об итогах переговоров с президентом США. Примечательно, что в прошлом году Ким Чен Ын сделал это через неделю после встречи с Дональдом Трампом.

Скорее всего, на втором американо-северокорейском саммите будет обсуждаться подписание декларации об окончании войны на Корейской полуострове 1950—1953 гг., что совсем невыгодно для Китая, так как он хочет быть одной из стран-участниц переговорного процесса, без учёта интересов которой недопустимо достижение каких-либо договорённостей. В случае негативного сценария, Китай может инициировать организацию повторного раунда переговоров. А в случае, если переговоры пойдут по позитивному сценарию, то Пекин явно заявит о своей лидирующей роли в корейском урегулировании.

ССЫЛКИ / REFERENCES

1. 2019年2月27日外交部发言人陆慷主持例行记者会 = 27 февраля 2019 года официальный представитель пресс-службы МИД КНР Лу Кан провёл очередную пресс-конференцию. URL: https://www.fmprc.sina.com.cn/web/fyrbt_673021/jzhsl_673025/t1641429.shtml (дата обращения: 27.02.2019). (In Chin.)
2. 华为回应CFO孟晚舟在加拿大被捕：不实报道 = Huawei ответил на арест финансового директора Мэн Ваньчжоу в Канаде: ложное сообщение. URL: <http://finance.sina.com.cn/cnanjing/gsnews/2018-12-06/doc-ihmutuec6601208.shtml> (дата обращения: 10.02.2019). (In Chin.)
3. 从平壤到同登的66小时：金正恩专列驰骋4500公里时间轴 = 66 часов от Пхеньяна до Донгданг: спецпоезд Ким Чен Ына преодолеет расстояние в 4500 км. URL: <http://www.world.huanqiu.com/article/2019-02/14413679.html?agt=61> (дата обращения: 26.02.2019). (In Chin.)

НЕИЗМЕННАЯ ПОЗИЦИЯ В МЕНЯЮЩЕЙСЯ СИТУАЦИИ: РОССИЯ И ПРОБЛЕМА КОРЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА 2018 г.

Песцов Сергей Константинович

д.полит.н., заведующий Отделом международных отношений и проблем безопасности Центра азиатско-Тихоокеанских исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток
E-mail: skpfox@yandex.ru

Pestsov Sergei K.

doctor of Political sciences, Head of Department of International Relations and Security Issues, Centre for Asia-Pacific Studies, Institute of history, archeology and ethnography of Peoples of Far East FEB RAS, Vladivostok
E-mail: skpfox@yandex.ru

Прошедший год с полным основанием может рассматриваться как своеобразный рубеж в динамике одной из самых важных для безопасности региона Северо-Восточной Азии конфликтной ситуации, связанной с ракетно-ядерной программой КНДР. Несмотря на то, что перспективы выхода из неё, устраивающего все заинтересованные стороны, остаются почти столь же неопределёнными, существенным образом меняется общий контекст конфликта. Наиболее значимую роль в этом, несомненно, сыграл неожиданный дипломатический

ход нынешнего президента США Д. Трампа и его решение пойти на прямой диалог с руководителем Северной Кореи Ким Чен Ыном. Этот шаг, вне зависимости от причин его обусловивших и возможных результатов, уже повлечёт за собой ряд важных последствий. Наиболее значимыми среди них можно считать (а) международную легитимизацию руководства КНДР и, соответственно, существующего в стране режима; и (б) трансформацию ситуации из непримиримого противостояния, когда выход из неё обуславливался полным отказом одной из сторон от своей позиции, в сложный торг, где каждая из них должна определиться с возможным пределом уступок. Это, в свою очередь, предполагает смену ролей, которые ранее выполнялись другими, так или иначе вовлечёнными в конфликтную ситуацию региональными государствами. Данное обстоятельство не может не оказывать влияния, в том числе на позицию РФ как одного, пусть не самого влиятельного, но, тем не менее, весьма заинтересованного в безопасности на своих восточных границах, игрока.

Новый контекст и перемены в ролевых функциях

Новый контекст, складывающейся в результате вступления в прямой диалог лидеров США и КНДР, стран позиции и политика которых создавали саму основу конфликта, меняет положение в конфигурации конфликтных отношений практически всех участников. Очевидно, теряет свой смысл шаблон Шестисторонних переговоров, рассматривавшийся ранее в качестве оптимальной схемы управления кризисной ситуацией. «При сохранении тех же шести основных участников (Россия, США, Китай, Япония, Республика Корея, КНДР), — как отмечает в этой связи К. Худолей, — серьёзно меняется структура переговорного процесса в Северо-Восточной Азии. Шестисторонние переговоры, хотя, с нашей точки зрения, именно такой формат был бы оптимальным, всё менее вероятны» [2].

Шаблон Шестисторонних переговоров, хотя и в несколько урезанном виде, по-сути воспроизводил формат расстановки сил времён Корейской войны 1950—1953 годов. Как известно, одну сторону этого конфликта представляли Южная Корея, ставшая жертвой вооружённой агрессии, и коалиция нескольких западных стран во главе с США, действовавшая в качестве миротворческих сил ООН. На этой же стороне оказалась и находившаяся под контролем США Япония. Их противником выступала развязавшая агрессию Северная Корея, а также Китай и СССР, которые хотя официально и не участвовали в войне, однако оказывали КНДР поддержку и помощь, предоставляя «народных добровольцев» и военных советников, обеспечивая финансирование и снабжение северокорейских вооружённых сил.

С некоторыми, принципиально не меняющими её характер, эта конфигурация расстановки сил сохранялась вплоть до недавнего времени. США, вмешательство которых не позволило КНДР в своё

время добиться окончательной победы, в ситуации затянувшегося более чем на полвека противостояния стали восприниматься как главный источник угрозы Северной Кореей и основной гарант безопасности их союзниками. Южная Корея оставалась в наиболееязвимом положении, испытывая наибольшие издержки при обострении противостояния. Она более других была заинтересована в деэскалации ситуации, но ограничена в возможностях долить этого, поскольку не рассматривалась северным соседом в качестве самостоятельного и/или основного оппонента. Япония, также, будучи ограниченной в своих оборонительных возможностях собственной Конституцией, неизменно и однозначно остаётся в этом конфликте на стороне США.

Конфигурация на противоположном фланге все эти годы, кажется, тоже практически не изменилась. Лидеры КНДР, для которых в основного соперника превратились США, выбрали стратегию развития вооружений, которые гипотетически позволяют небольшой стране противостоять сверхдержаве, или стратегию «избыточной обороноспособности». Её сторонники времён Холодной войны — Китай и ныне Россия — как и ранее, открыто не поддерживают Северную Корею в её ракетно-ядерных военных приготовлениях, формально поддерживая режим нераспространения. В то же время обе страны прилагают усилия по поддержанию разного рода контактов с руководством КНДР и развитию (с разной степенью интенсивности) двустороннего сотрудничества, аргументируя это необходимостью медиации и посредничества. Все последние годы и КНР, и РФ пытаются играть роль независимых и объективных посредников, заинтересованных только в выгодном для всех участников решении застарелого конфликта.

Повышению важности посреднических усилий некоторых участников конфликта, несомненно, способствовала сохранявшаяся в течение нескольких десятилетий статика непримиримых позиций США и КНДР как основных оппонентов, открывая им пространство для манёвра и реализации собственных интересов. В том числе интересов, далеко не всегда страдающих заинтересованностью в разрешении кризиса. Другими словами, США и КНДР, оставаясь ключевыми драйверами конфликта, в операционном смысле, благодаря своей неуступчивости, были ограничены в возможностях урегулирования противоречий. И, наоборот, роль других региональных игроков, прежде всего РК, КНР, РФ и в меньшей степени Японии, повышалась в той мере, в какой ключевые оппоненты передоверяли (делегировали) им функции коммуникации и посредничества.

Ныне, в результате наметившихся перемен в общем контексте проблематики Корейского полуострова, США и КНДР становятся уже не только источниками противостояния, но и его основными регуляторами. Данное обстоятельство не может не влечь за собой перемены в позициях большинство других, вовлечённых в проблемную ситуацию, региональных игроков. В первую очередь это касается тех, кто пытался выступать в роли заинтересованных (Южная Корея) или незаинтересованных (Китай и Россия) посредников.

Перемены эти связаны не только с объективным падением значимости этой роли. Второй стороной этого выступает утрата претендовавшими на роль независимых посредников государствами имиджа объективных, внешних наблюдателей, не поддерживающих какую-либо одну из сторон, а заинтересованных исключительно в общем благе. Всё это требует от прежних «посредников» более чёткой артикуляции своей позиции, исходя из оптимального для них варианта выхода из конфликтной ситуации. Если основным желаемым результатом является укрепление режима ядерного нераспространения, стратегия поведения будет определяться выяснением достаточного предела уступок — отказа от проведения военных учений вблизи границ КНДР, предоставление ей экономической и иной помощи и т.п. — как средства обеспечения полного отказа Северной Кореи от своей ядерной программы. Если главным является ограничение военного присутствия в регионе США («безопасность» КНДР), то тогда стратегия будет основываться на определении приемлемых пределов ограничения ракетно-ядерного потенциала Северной Кореи.

Новый контекст и позиция России

Официальная позиция РФ в ситуации вокруг Корейского полуострова не очень ясна и публично не артикулируется однозначно и чётко. Вполне понятен её подход с процедурной точки зрения. Так, устами министра иностранных дел РФ С. Лаврова и многих других официальных лиц неоднократно подчёркивалась приверженность многосторонним переговорам, а не одностороннему силовому давлению как наиболее эффективному способу управления кризисной ситуацией. С этим, безусловно, невозможно не согласиться. Однако то, каковым для России выглядит предпочтительный конечный исход этого процесса и оптимальный сценарий его развития, во многом остаётся не вполне ясным. Реконструировать это видение можно попытаться, исходя из общего восприятия двух основных участников противостояния на Корейском полуострове и отношения к ним, доминирующих в российской экспертной среде, прежде всего в той его части, которая близка к центрам принятия внешнеполитических решений. Что касается США, то здесь загадок и неясностей практически нет. Более сложной ситуация становится когда речь заходит о КНДР.

Основные элементы, в совокупности определяющие российское видение Северной Кореи и, соответственно, отношение к ней попытался суммировать в своей недавней статье директор Центра азиатской стратегии ИЭ РАН Г. Толорая, подчеркнув при этом, что «главные выводы российских экспертов... оставались неизменными на протяжении многих лет и малосовместимы с подходом западных политиков...» [2]. Таковыми, по его мнению, являются следующие:

- (1) КНДР это вовсе не тоталитарное государство, угнетающее собственное население и создающее угрозу миру («заповедник

сталинизма»), а имеющая полное право на существование «современная реинкарнация традиционной восточной конфуцианско-теократической деспотии, управляемая «аристократическим» классом» [2]. В качестве специфической формы авторитарного капитализма она, по мнению части российских политиков, по некоторым параметрам даже превосходит модель либерального капитализма [1];

- (2) Отличительной чертой и особенностью северокорейского режима является его высокая жизнеспособность, обусловливаемая тесной сплочённостью элиты, устойчивостью политической структуры и отсутствием в обществе потребности в защите своих прав и каких-либо перемен;
- (3) Соответственно, предположение об «исторической предопределённости и неизбежности краха» этого режима, на котором до последнего времени основывалась политика западных держав в отношении КНДР, является ошибочным и противоречит существующим реалиям;
- (4) Усилия Северной Кореи, связанные с созданием и совершенствованием собственного ракетно-ядерного потенциала обусловливаются не агрессивными устремлениями её руководства, а инстинктом самосохранения и «опасениями за свою безопасность»;
- (5) Политическая и экономическая системы КНДР не являются ригидными, застывшими и не способными к эволюции, но обладают определённым потенциалом внутренней динамики и саморазвития.

Всё это создаёт ту основу, которая определяет отношение РФ к КНДР, равно как и её позицию в конфликтной ситуации вокруг Корейского полуострова. В общем, если суммировать рекомендации близких к правительственным кругам российских экспертов, эта позиция может быть описана следующим образом.

Прежде всего, России следует исходить из вероятности сохранения Северной Кореей какой-то части её ядерного потенциала, неизбежность чего, по мнению Г. Толорая, начинают «сквозь зубы» признавать и американцы [3]. Это связано с тем, что при любом сценарии, даже в случае перерастания конфликта на Корейском полуострове в военное столкновение, последствия для РФ будут не столь катастрофическими, как для всех остальных, включая Китай [3]. Далее, интенсификация санкционного давления на Северную Корею не только не ухудшает положение элиты, но, напротив, повышает её единство и сплочённость. Наиболее ощутимый ущерб такая политика наносит населению страны, увеличивая вероятность гуманитарной катастрофы. Тем более, что нынешнее руководство Северной Кореи и без того уже начало предпринимать шаги в направлении отказа от дальнейшей милитаризации, перенося акценты на экономическую модернизацию, о чем свидетельствует «новый курс», предложенный Ким Чен Ыном.

В этой ситуации России следует «смириться с неизбежным — взаимодействовать с КНДР, не рассчитывая на скорую смену режима». Это взаимодействие предполагает усилия по всемерному содействию безопасности Северной Кореи, поскольку она «перестанет бряцать оружием» и начнёт осуществлять собственную модернизацию только выйдя из «ситуации внешнеполитического и экономического ostracism» [4]. Поэтому России следует предпринять шаги, в том числе используя свои возможности постоянного члена СБ ООН, для смягчения санкционного давления на КНДР, в том числе путём включения в тексты соответствующих резолюций «максимальное количество лазеек, которые бы позволяли КНДР более или менее свободно торговать гражданской продукцией» [5].

Стратегически, в сохраняющей неопределённость ситуации вокруг Корейского полуострова, России желательно укреплять свои позиции как посредника, заменяя на этом поприще Китай, в отношении которого Северная Корея всё больше стала проявлять открытую враждебность. Реальная возможность этого обуславливается, во-первых, тем, что руководство КНДР продолжает проявлять доброжелательность к РФ как к своему альтернативному спонсору, а России сотрудничество с Северной Кореей даёт одну из немногих возможностей укрепить свои позиции в Северо-Восточной Азии [4]. Вторым, не менее важным обстоятельством, является то, что, как считают некоторые российские эксперты, участники Шестисторонних переговоров готовы согласиться на ведущую роль России в разработке концепции безопасности сотрудничества в Северо-Восточной Азии [6].

Вместе с тем, от самой России требуются некоторые подвижки в её политике в отношении проблемы Корейского полуострова. Во-первых, ей необходимо задуматься о «повышении уровня наступательности и инициативности» политики на корейском направлении. Во-вторых, найти более сбалансированную модель поведения во взаимоотношениях с двумя Кореями. Это предполагает как удаление большего внимания вопросам безопасности Южной Кореи, так и расширение экономического и гуманитарного сотрудничества с Северной Кореей, стимулирующего её открытость и модернизацию. В-третьих, российская политика должна стать более самостоятельной и не только потому, что последние российско-китайские инициативы по корейской проблеме воспринимались, скорее, как китайские, но и чтобы развеять подозрения среди азиатских партнёров в стремлении РФ не столько решить эту проблему, сколько доставить неприятности США [1].

Наконец, в связи с наличием перспектив постепенной экономической либерализации северокорейского режима, России следует активизировать усилия по реализации разного рода совместных хозяйственных проектов (транспорт, энергетика, в том числе ядерная; разведка и разработка месторождений полезных ископаемых; марикультура и даже космос) с перспективой закрепления на северокорейском рынке [2].

В ситуации меняющегося контекста ситуации вокруг Корейского полуострова на публичном уровне РФ сдвинулась к периферии событий, связанных с урегулированием кризиса. В рамках своей беспрецедентной внешнеполитической активности лидер КНДР Ким Чен Ын в течении прошедшего года в разных форматах провёл встречи с Президентом США Д. Трампом (июнь 2018), Президентом Южной Кореи Мун Джеином (апрель и сентябрь 2018) [7; 8] и Председателем КНР Си Цзиньпином (март и май 2018) [9; 10].

Между тем, неоднократно анонсировавшая личная встреча Ким Чен Ына с президентом РФ В. Путиным так и не состоялась. Как и ранее, не очень активные дипломатические контакты между КНДР и РФ в 2018 году были поддержаны двумя визитами российских официальных лиц в северную Корею. Первым из них стал визит в КНДР в мае 2018 года министра иностранных дел РФ С. Лаврова, передавшего Ким Чен Ыну «тёплый привет» от российского президента, приглашение посетить Россию и шкатулку для хранения секретов. Результатом этого визита стало заявление главы российского МИДа о том, что урегулирование Корейского кризиса требует особого подхода. Этот подход, по словам С. Лаврова, предполагает «отказ от попыток делать резкие движения и искусственно подгонять этот процесс» [11]. В сентябре 2018 года с официальным визитом Северную Корею посетила Председатель Совета Федерации РФ В. Матвиенко, в ходе которого она, по информации российских СМИ, убедилась в мирных намерениях северокорейского руководителя и получила от него подтверждение важной роли России в урегулировании ядерной проблемы Корейского полуострова [12]. Эти контакты были подкреплены визитом в КНДР в октябре 2018 года делегация министерства иностранных дел России во главе с заместителем главы департамента международных организаций М. Агасандяном [13] и совсем уж экзотическими контактами, такими как встреча Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла с председателем Православного комитета Корейской Народно-Демократической Республики Виталием Кимом Чи Соном и другими представителями КНДР [14] и председателя комиссии президиума Генерального совета партии «Единая Россия» по международной деятельности Андрей Климов с заместителем заведующего международным отделом ЦК ТПК Рю Мен Соном, в ходе которой было объявлено о подписании между двумя партиями соглашения о сотрудничестве [15].

Следуя в русле решений ООН по ситуации на Корейском полуострове, РФ в течении 2018 года сокращала объём двусторонних взаимодействий с КНДР. По итогам третьего квартала товарооборот между двумя странами сократился на 50,9%, при этом экспорт РФ в КНДР уменьшился на 50,2%, а импорт — на 56,6%. Доля Северной Кореи во внешнеторговом обороте России снизилась до 0,0037% по сравнению с 0,0090% в аналогичном периоде 2017 года [16]. В соответствии с принятой в конце 2017 года резолюцией СБ ООН, расширившей

санкции в отношении Северной Кореи и предписавшей всем странам-членам организации не позднее конца 2019 года отправить на родину северокорейских трудовых мигрантов и закрыть все совместные с КНДР компании, РФ прекратила выдачу квот на наём работников из КНДР в 2018 году. Поскольку они действуют 12 месяцев, то к концу 2018 года все северокорейские работники должны были покинуть Россию. По официальным данным в 2017 году квоты были выданы на 45 тыс. работников из КНДР с действовавшими на территории России 300 северокорейскими компаниями [17].

Всё это, однако, не спасло РФ в 2018 году от продолжающихся пропагандистских атак и обвинений. В начале 2018 года заместитель министра иностранных дел И. Моргулов выступил с опровержением заявления государственного секретаря США Р. Тиллерсона о том, что Россия не выполняет санкции в отношении Пхеньяна. Тем не менее, Президент США Д. Трамп поддержал эти обвинения, отметив, что Россия не помогает в разрешении ситуации на Корейском полуострове и нивелирует то, что делает в этом отношении Китай [18]. В январе 2019 года послу РФ в Северной Корее пришлось выступить с опровержением публикации The Washington Post о том, что Россия якобы вела с Северной Кореей тайные переговоры о строительстве атомной электростанции в обмен на денуклеаризацию КНДР. Заместитель министра иностранных дел РФ С. Рябков вынужден был в очередной раз заявить, что все взаимодействия РФ с КНДР соответствуют резолюциям СБ ООН [19]. Однако излишне нервная реакция официальных российских лиц на иногда совершенно бессодержательные тезисы, как, например, попытка опровержения со стороны руководителя комитета СФ РФ по международным делам К. Косачева призыва американского сенатора Л. Грэма вручить Д. Трампу Нобелевскую премию мира, если КНДР прекратит свою ядерную программу, далеко не всегда способствует авторитету и укреплению доверия к заявлениям и комментариям российской стороны [20].

Если на публичном межгосударственном уровне включённость РФ в проблематику Корейского полуострова в 2018 году, как и годом ранее, оставалась довольно ограниченной, если не сказать маргинальной, то на более низком, «техническом» уровне она продолжила предпринимать активные усилия, позволяющие ей сохранять статус участника переговорного процесса. Свидетельством этого является число разного рода контактов и консультаций российских дипломатов в двусторонних или многосторонних форматах с представителями всех других стран переговорной Шестёрки (Таблица 1).

С российской стороны основным действующим лицом являлся заместитель министра иностранных дел РФ И. Моргулов, который в течение года неоднократно контактировал с дипломатами КНДР (министром иностранных дел Ли Ён Хо, его заместителями Цой Сон Хи и Синь Хот Чхолом), Южной Кореи (заместителем министра иностранных дел Сун Гу, послом в РФ У Юн Гыном, спецпредставителем по делам мира и безопасности на Корейском полуострове Ли До Хуном,

Таблица 1

**Дипломатическая активность РФ, связанная с ситуацией
на Корейском полуострове.**

Период	Практическая активность						Риторическая активность
	КНДР	РК	КНР	Япония	США	Европа	
январь	—	1	1	—	—	—	4
февраль	—	1	—	1	—	—	4
март	—	1	2	—	—	—	3
апрель	1	—	—	—	—	—	7
май	3	2	—	—	—	—	7
июнь	—	1	2	—	1	—	6
июль	1	—	1	2	—	—	3
август	—	—	4	1	—	—	3
сентябрь	1	—	2	—	—	—	3
октябрь	2	—	1	—	3	—	2
ноябрь	—	—	—	1	1	—	—
декабрь	—	1	1	1	—	1	—
В 2018 году	8	7	14	6	5	1	42

Примечание: при подсчётах учитывались только мероприятия (встречи, консультации, телефонные переговоры), где проблематика Корейского полуострова выступала в качестве основной темы.

Источник: подсчитано автором на основе данных, представленных на официальном сайте МИД РФ [21].

депутатом Национального собрания Чон Дон Ёном), Китая (заместителем министра иностранных дел Кун Сюанью, временным поверенным Фань Сяньжуном, послом в РФ Ли Хуэем), Японии (заместителем министра иностранных дел Т. Мори, послом в РФ Т. Кодзуки, главой делегации на Шестисторонних переговорах К. Канасуги) и США (спецпредставителем по политике в отношении Северной Кореи С. Биганом). Вопросы, связанные с ситуацией на Корейском полуострове также обсуждались на встречах министра иностранных дел РФ С. Лаврова с министром иностранных дел КНР Ван И в сентябре 2018 года, в ходе консультаций спецпредставителя Президента РФ по Ближнему Востоку и странам Африки М. Богдановым с послом КНДР в Москве Ким Мён Чжуном и посла по особым поручениям МИД РФ О. Бурмистрова с заместителем Государственного секретаря США М. Ламбертом. В начале октября 2018 года российские медиа сообщили о планах проведения в Москве серии двусторонних и многосторонних консультаций по проблеме Корейского полуострова с участием заместителей глав МИД России, КНР и КНДР [22].

Явная предрасположенность России к многостороннему (в том или ином формате) обсуждению и урегулированию проблемы Корейского полуострова была в очередной раз подтверждена предложением Президента РФ В. Путина о возвращении к обсуждению трёхсторонних проектов Москвы, Сеула и Пхеньяна одновременно с урегулированием

ем ситуации на Корейском полуострове, которое было озвучено им на пленарном заседании ВЭФ в сентябре 2018 года [23]. В целом же, действия РФ, связанные с проблемой Корейского полуострова, гораздо чаще приобретали форму риторической (комментарии, заявления, интервью и т.п.), нежели практической активности (Рисунок 1).

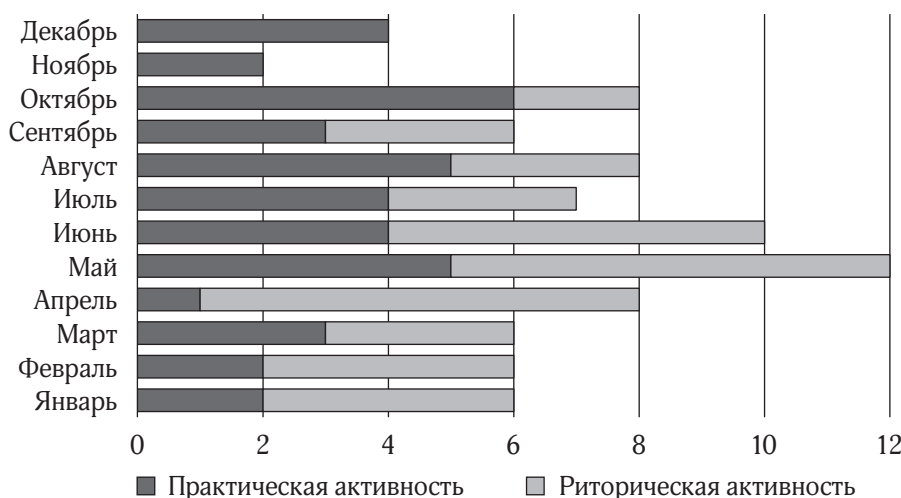

Рисунок 1. Дипломатическая активность РФ, связанная с ситуацией на Корейском полуострове в течении 2018 года. *Источник:* подсчитано автором на основе данных, представленных на официальном сайте МИД РФ [21]

Вместе с тем, внешне стремление России сохранить за собой роль объективного посредника (медиатора) вступало в явное противоречие с декларируемой, в том числе на официальном уровне, риторической поддержкой одной из сторон конфликтной ситуации. В наиболее резкой форме возможность артикуляции российской позиции по разным аспектам корейской проблемы была передоверена российским законодателям. Наглядной иллюстрацией может служить, например, комментарий координатора депутатской группы по связям с парламентом Северной Кореи ГД РФ К. Тайсаева, который в начале нынешнего года заявил, что «Вашингтон не умеет вести диалог на международной площадке, действия США по ситуации на Корейском полуострове сравнимы с действиями «воров в законе» и бандитов» [24]. «Введение новых санкций США против КНДР, — солидаризируется с ним председатель комитета СФ по международным делам К. Косачев, — создаёт впечатление, что Вашингтон заинтересован в усилении конфронтации, а не в разрешении корейских проблем» [25]. Тон в этом случае задан Президентом РФ В. Путиным, который констатировал в середине 2018 года, что, по его мнению, «северокорейское руководство пошло... на беспрецедентные шаги, направленные на снятие напряжённости», тогда как США и Южная Корея навстречу Пхеньяну даже не двинулись [26]. Эта точка зрения была поддержана и развита российским министром иностранных дел С. Лавровым. В начале 2018 года он заявил, что под предлогом северокорейской ядерной проблемы США

развернули объекты противоракетной обороны на территории Южной Кореи и Японии, окружив по периметру Россию и одновременно нацелившись на Китай [27]. Что касается подходов к решению этой проблемы, то «шаги Северной Кореи по денуклеаризации, — по его мнению, — должны идти параллельно с ослаблением санкционного режима в отношении этой страны». Однако на фоне демонстрируемой Пхеньяном готовности к сотрудничеству, считает он, Запад только закручивает санкционные гайки против Северной Кореи [28].

Данная позиция в 2018 году приобретала не только риторические формы, но и трансформировалась в соответствующие практические шаги, включая усилия представителей РФ в ходе закрытых консультаций в СБ ООН снизить жёсткость санкций в отношении КНДР, аргументируя это стремлением избежать тяжёлого гуманитарного кризиса. В августе 2018 года постоянный представитель РФ при ООН В. Небензя сообщил о блокировании российской стороной публикации докладом ООН о применении санкций в отношении Северной Кореи в связи с её несогласием с содержащимися в нем выводами [29].

Итоговое резюме

Общий обзор российской политики, связанной с ситуацией на Корейском полуострове в 2018 году, позволяет формулировать несколько основных выводов.

1. Сдержанная позиция РФ в отношении ситуации вокруг Корейского полуострова, сохранявшаяся в течение 2017 и 2018 годов (периоды резкого обострения кризиса и столь же стремительного снижения напряжённости) выглядит вполне оправданной в связи с не вполне понятными последствиями изменениями её контекста.

2. Демонстративная солидаризация с КНДР, которая на первый взгляд противоречит стремлению России играть роль посредника в конфликте, вполне объяснима с учётом того, что Северная Корея является почти единственной, хоть как-то заинтересованной стороной в сохранении РФ в числе участников урегулирования проблемной ситуации.

3. Российская практическая политика в течение рассматриваемого периода в основном совпадала с рекомендациями отечественных экспертов, расходясь с рекомендуемой ими позицией в отдельных аспектах, касающихся, прежде всего, необходимости большей самостоятельности, независимости и наступательности).

4. РФ, судя по всему, уже согласилась с неофициальным статусом КНДР как ядерной державы и неизбежностью (приемлемостью) сохранения ею ядерного оружия в какой-то его форме (части).

5. Россия, кажется, не слишком заинтересована (и не имеет предпочтительного варианта) в окончательном разрешении кризиса вокруг Корейского полуострова в силу имеющегося убеждения в отсутствии для неё серьёзных угроз при любом сценарии его развития, а также и в связи с тем, что сохраняющаяся напряжённость создаёт для неё большее пространство для разного рода дипломатических манёвров.

В целом, можно констатировать, что в 2018 году политика РФ, связанная с корейской проблемой, может быть охарактеризована как вполне рациональная. Однако её достоинство имеет смысл только в ситуации сохраняющегося статус-кво и ограничивается ею.

ССЫЛКИ / REFERENCES

1. Константин Худoley. Корейский полуостров: шаги от пропасти // Россия в глобальной политике. 2018. № 6 [Электронный ресурс]. URL: <https://globalaffairs.ru/number/Koreiskii-poluostrov-shagi-ot-propasti-19846> (дата обращения: 28.11.2018).
2. Толорая Г. Смена северокаорейской парадигмы: помечтаем о будущем? [Электронный ресурс]. URL: <https://globalaffairs.ru/global-process/Smena-severokoreiskoi-paradigmy-pomechtaem-o-buduschem-19633> (дата обращения: 28.11.2018).
3. Толорая Г. Формула мира: Корею нужно двойная заморозка // Россия в глобальной политике [Электронный ресурс]. URL: <https://globalaffairs.ru/global-processes/Formula-mira-Koree-nuzhna-dvojnaya-zamorozka-19164> (дата обращения: 28.11.2018).
4. Стрельцов Д.В. Корейский полуостров и «искусство возможного». Россия в глобальной политике [Электронный ресурс]. URL: <https://globalaffairs.ru/book/Koreiskii-poluostrov-i-iskusstvovozmozhnogo-17432> (дата обращения: 28.11.2018).
5. Ланьков А. Как России относиться к новым санкциям против Северной Кореи [Электронный ресурс]. URL: <https://cornegie.ru/commentary/75259> (дата обращения: 28.11.2018).
6. Толорая Г. Восточноазиатская стратегия России и корейский вызов. Россия в глобальной политике [Электронный ресурс]. URL: https://globalaffairs.ru/number/n_9968 (дата обращения: 28.11.2018).
7. На первой встрече в апреле 2018 года Ким Чен Ын и Мун Джеин огласили совместную декларацию, объявив об окончании Корейской войны и решении возобновить самые разные контакты (О. Кирьянов. Конец войне? [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2018/04/27/o-chem-govorili-mun-chzhe-in-i-kim-chen-yn-na-pervoj-vstreche.html> (дата обращения: 28.11.2018).
8. На встрече в сентябре 2018 года лидеры Юга и Севера подписали Пхеньянскую декларацию, а министры обороны РК и КНДР — документ, направленный на прекращение любых враждебных военных действий друг против друга (Кирьянов О. Ким Чен Ын и Мун Чжэ Ин поднялись на гору Пэктусан [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2018/09/20/kim-chen-yn-i-mun-chzhe-in-podnialis-na-goru-pektusan.html> (дата обращения: 26.11.2018).
9. Си Цзиньпин встретился с Ким Чен Ыном [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5184423> (дата обращения: 28.11.2018).
10. В начале января 2019 года Ким Чен Ын, в сопровождении жены Ли Соль Чжу и ряда представителей высшего руководства КНДР в очередной (четвёртый) раз посетил Китай с целью проведения переговоров на высшем уровне (Курьянов О. Си Цзиньпин и Ким Чен Ын провели переговоры в Пекине [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2019/01/08/si-czinpin-i-kim-chen-yn-proveli-peregovory-v-pekinge.html> (дата обращения: 28.11.2018).
11. Лавров предостережёт Ким Чен Ына от резкого сближения с США. 31 мая 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=3023474&tid=69693> (дата обращения: 28.11.2018).
12. Ким готов объединить Корею и приехать в Россию. 8 сентября 2018 г. // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=3058205&tid=69693> (дата обращения: 28.11.2018).

13. Делегация МИД России прибыла с визитом в КНДР. 23 октября 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/2505623.html> (дата обращения: 26.11.2018).
14. Святейший Патриарх Кирилл встретился с председателем Православного комитета КНДР [Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5258482.html> (дата обращения: 28.11.2018).
15. «Единая Россия» и правящая партия Северной Кореи придут к соглашению. 24 октября 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2018/10/24/edinaia-rossiia-i-praviashchaia-partiia-severnoj-korei-pridut-k-soglasheniiu.html> (дата обращения: 26.11.2018).
16. Отчёт о внешней торговле России с КНДР (Северной Кореей) в третьем квартале 2018 года: товарооборот, экспорт, импорт, структура, товары, динамика [Электронный ресурс]. URL: <http://russian-trade.com/reports-and-reviews/2018-11/vneshnyaya-torgovlya-rossii-s-kndr-severnoy-koreey-v-3-kv-2018-g/> (дата обращения: 28.11.2018).
17. Россия привлекла внимание Совбеза ООН к тяжёлой гуманитарной обстановке в КНДР. 9 ноября 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=3081072&tid=69693> (дата обращения: 28.11.2018).
18. Россия отвергает обвинения США в невыполнении санкций против КНДР. 18 января 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=2977374&tid=69693> (дата обращения: 28.11.2018).
19. «Дезинформация или выдумка»: посольство РФ опровергло данные СМИ США о переговорах России и КНДР о сооружении АЭС. 30 января 2019 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://russian.rt.com/world/article/597794-rossiya-kbdr-reaktor-tayna> (дата обращения: 28.11.2016).
20. Нобелевка для Трампа: США пытаются приписать единоличную роль в «корейском развороте». 28 апреля 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=3012248&tid=69693> (дата обращения: 26.11.2018).
21. Официальный сайт МИД РФ. URL: <http://www.mid.ru/ru/home> (дата обращения: 10.01.2019).
22. В Москве пройдут трёхсторонние консультации РФ, КНДР и Китая [Электронный ресурс]. URL: <https://versia.ru/v-moskve-projdut-trxstoronnie-konsultacii-rf-kndr-i-ikitaya> (дата обращения: 26.11.2018).
23. Путин предложил вернуться к совместным проектам РФ, КНДР и Южной Кореи. 12 сентября 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/788077/2018-09-12/putin-predlozhil-vernitsia-k-sovmestnym-proektam-rf-kndr-i-iuzhnoi-korei> (дата обращения: 28.11.2018).
24. В ГД сравнили политику США в отношении КНДР с действиями «воров в законе». 1 февраля 2019 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20190201/1550239774.html> (дата обращения: 26.11.2018).
25. Косачев назвал новые санкции США против КНДР шантажом. 23 февраля 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=2990255&tid=69693> (дата обращения: 28.11.2018).
26. Путин: Запад не идёт навстречу КНДР. 6 июня 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=3025256&tid=69693> (дата обращения: 28.11.2018).
27. Лавров: американская ПРО почти окружила Россию и нацеливается на Китай. 11 февраля 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=1986446&tid=69693> (дата обращения: 28.11.2018).
28. Лавров призвал поощрить КНДР ослаблением санкций [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=3065359> (дата обращения: 28.11.2018).
29. Россия блокировала принятие доклада ООН по Северной Корее. 31 августа 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.golos-ameriki.ru/a/russia-blocks-us-report-on-nkorea-sanctions/4551999.html> (дата обращения: 26.11.2018).

КНДР ДЛЯ ЯПОНИИ: РЕАЛЬНАЯ УГРОЗА БЕЗОПАСНОСТИ ИЛИ УДОБНЫЙ ПРЕДЛОГ ДЛЯ РЕАЛИЗАЦИИ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ЗАДАЧ?

Горячева Елена Александровна,

м.н.с. Отдела изучения Японии и Кореи Центра
Азиатско-тихоокеанский исследований Инсти-
тута истории, археологии и этнографии наро-
дов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток
E-mail: solo888@yandex.ru

Goryacheva Elena A.

Junior research fellow, Department of
Japanese and Korean Studies Centre for
Asia-Pacific Studies, Institute of Histo-
ry, Archeology and Ethnography of Peo-
ples of Far East FEB RAS, Vladivostok

На протяжении последних лет КНДР неизменно позиционируется во внешней политике Японии как источник «беспрецедентной, серьёзной и постоянной угрозы мирному существованию и стабильности Японии и мирового сообщества» [1, 05, 27]. Подобное определение в виде приведённого выражения, прилагаемое МИД Японии к КНДР, в тексте последней Голубой книги по дипломатии 2018 года встречается 6 раз. Помимо ракетно-ядерной программы КНДР, являющейся источником беспокойства для всего мирового сообщества, Японию связывает с КНДР ещё одна нерешённая и острая проблема — возвращение в Японию похищенных северными корейцами японских граждан (на данный момент по официальным данным их насчитывается 17 человек [2], по неофициальным — от 13 до 80). В последнее время неотъемлемыми составляющими внешнеполитической стратегии Японии по отношению к КНДР являются диалог, направленный на кооперацию с мировым сообществом по прекращению ракетно-ядерной программы, и ведение переговоров по вопросам возвращения похищенных японцев. В списке угроз национальной безопасности Японии угроза КНДР стоит на первом месте, опережая усиление вооружённых сил КНР. В программных документах МИД и СМИ Японии отмечается, что в последние годы идёт постоянная эскалация конфликта со стороны КНДР в отношении Японии.

Для Японии фактор КНДР имеет важное значение не только в прямом понимании — как военная угроза, но в настоящее время КНДР является одним из элементов формирования концепции так называемой «враждебной среды», окружающей Японию. В последние годы в программных документах Японии и её СМИ внимание населения акцентируется на том, что Япония, миролюбивая страна без собственных вооружённых сил, находится в окружении враждебно настроенных

сил [1, 9], и может в будущем испытывать неспособность защититься от их воздействия, что нужно преодолеть серией реформ. Под враждебными, окружающими Японию силами, подразумеваются:

- 1) КНДР с её ракетно-ядерной программой и авторитарным, враждебным демократии режимом.
- 2) КНР, с растущим военным потенциалом и перегнавшей Японию экономикой, готовый в ближайшее время нарушить статус-кво и силой вернуть себе о-ва Сэнкаку (Дяоюйдао).
- 3) Южная Корея, которая активизировала общественное движение, пропагандирующее проблемы исторической памяти в отношениях с Японией — проблемы «женщин комфорта» и японских военных преступлений, и также имеющая территориальный спор с Японией.
- 4) И Россия, от которой в интерпретации Японии с момента вхождения в её состав Крымского полуострова в 2014 г. исходит угроза как от страны, могущей насильственно менять существующий мировой порядок и аннексировать территории, и размещающей на спорных с Японией островах Южных Курил новейшие береговые ракетные комплексы.

Наличие проблемы японско-северокорейских отношений среди прочих угроз её безопасности, таких, как Китай, позволило Японии поднять тему пересмотра Конституции, расширения полномочий Сил самообороны, увеличения расходов на оборону, наращивания технического оснащения Сил самообороны, и укрепления японо-американского альянса. В условиях, когда мировым сообществом неоднократно отмечался спекулятивный и демонстративный характер угроз северокорейского правительства, выражающегося в новых испытаниях вооружения, Япония активно использует северокорейский фактор в манипуляциях общественным сознанием для лоббирования интересов своего правительства, которое в последнее время становится на более правые позиции, озвучивает идеи исторического ревизионизма и возрождает позитивное отношение к милитаризации.

Политика Японии по отношению к КНДР в XXI веке отмечается постоянством. Какая бы правящая партия ни находилась у власти — ЛДПЯ или ДПЯ, в отношении КНДР Токио исповедует практически одну и ту же идеологию. С 2012 г., с приходом к власти Второго кабинета С. Абэ, эта идеология приобрела более воинственный характер. С санкции США Японией на направлении КНДР были размещены новейшие американские системы дальнего обнаружения и передано несколько беспилотников для мониторинга ситуации.

И на уровне правительства, и японского общества в целом, отношение к КНДР характеризуется ярко выраженным чувством недоверия и враждебности. Согласно данным опроса населения Японии 2018 г., в настоящее время 85,5% японцев полагают, что для Японии существует серьёзная вероятность быть вовлечённой в военные действия. Этот показатель увеличился на 10 единиц с 2015 г., и является наивысшим показателем для Японии, выявленным в опросах: сопоставимый показатель бы зафиксирован в 1969 г. При этом 84,5% оп-

рошенных называют причиной своих опасений «рост напряжённости в международных отношениях», и среди факторов этой напряжённости лидирует «ситуация на Корейском полуострове» — так считают 68,6% человек, и это больше, чем 48,6%, который беспокоит угроза модернизации ВС КНР [3].

Также интересно восприятие японцами соседей по АТР в контексте «страна, со стороны которой вы ощущаете военную угрозу для Японии». На первом месте КНДР (77%), затем Китай (66%), Россия (56%), США (32%), и Южная Корея (20%) [4]. Это данные на июнь 2018 г.

Однако, в последнее время в Японии значительно усилилась напряжённость в отношениях с Южной Кореей. Факторы, осложнившие эти отношения, относятся как к современности — инцидент 20 декабря 2018 г. с участием ВМС двух стран в Японском море, так и к истории — высказывания представителей правительств двух стран по вопросам «женщин для утешения». Эти факторы дополнительно отягощают восприятие населением общей обстановки на Корейском полуострове. Кроме того, Япония в последнее время ощущает себя выключенной из процесса обсуждения глобальных проблем безопасности, в том числе по денуклеаризации КНДР из-за пассивной позиции кабинета С. Абэ, явно следующей в кильватере политики Д. Трампа, по сравнению, например, с действиями южнокорейского правительства. Кроме того, оппозиционная С. Абэ пресса с конца 2018 г. критикует его за сосредоточение всех усилий на переговорах с Россией по решению территориальной проблемы, в ущерб развитию остальных направлений внешней политики [5].

В плане восприятия российско-северокорейских отношений Япония учитывает сложившийся комплекс отношений между Россией и КНДР. Критически правящими кругами Японии воспринимается любая поддержка Россией экономики КНДР, будь то наличие северокорейских рабочих на Дальнем Востоке (хотя это уже пройденный этап), или торговля с КНДР, что может быть воспринято вразрез санкционной политике. В последнее время среди либерально настроенных политических деятелей Японии растёт осознание того, что с Северной Кореей политика изоляционизма и жёсткого экономического давления не оправдала себя. Как вариант решения проблемы в мировом сообществе озвучивается точка зрения, что имеет смысл до определённой меры смягчить или отменить санкции, включить КНДР через экономику в мировое сообщество, хотя для большинства традиционно ограниченно мыслящих консерваторов ЛДПЯ эта идея кажется слишком радикальной. Однако, у реализации подобного курса в отношениях с КНДР есть шанс, поскольку и Д. Трамп в своих высказываниях по поводу денуклеаризации КНДР неоднократно говорил об этом процессе как о способе ввести КНДР в число экономических развитых государств, и такая позиция находит поддержку в Японии. В преддверии встречи Д. Трампа и Ким Чен Ына в Ханое в феврале 2019 г. в японской информационной сфере наблюдается настороженное отношение к итогам переговоров, причём в большей степени не столько с тем, что КНДР снова обманет ожидания

мирового сообщества и выторгует себе новые преференции в обмен на призрачные обещания покончить с ракетно-ядерной программой, а с тем, какое значение будет иметь для Японии успех этих переговоров? Не станет ли так, что этот успех выгоден и США, и Китаю, и Южной Корее, а Японии — нет?

В текущей ситуации остаётся вопросом: как Япония использует развитие ситуации в КНДР? В общем и целом политике Японии на северокорейском направлении свойственны те же фундаментальные проблемы, что и в отношении России: негибкость принятия решений в постоянно меняющейся ситуации на мировой арене, свойство закидываться на проблемах исторического толка (в отношениях с Россией — на оспаривании итогов Второй мировой войны в части отошедших ей Южных Курил, в отношении КНДР — в проблеме похищенных японцев) в ущерб перспективам развития отношений, отличающая Японию на протяжении всего XXI века слабость фигуры лидера страны, по-видимому, неспособного вести независимую политику и принимать ответственные политические решения без того, чтобы не быть «одёрнутым» членами своей же партии. На настоящий момент существует опасность того, что США, Южная Корея, Китай и Россия пойдут навстречу КНДР в диалоге по денуклеаризации и мерах по снижению напряжённости в АТР путём отмены или смягчения санкций, а Япония, продолжая отстаивать жёсткую политику в отношении КНДР, испортив отношения с Южной Кореей и имея достаточно напряжённые отношения с Китаем, может сама остаться в своего рода политической изоляции. Это, в свою очередь, может стать решающим фактором в повороте японского внешнеполитического курса в правую сторону со всеми вытекающими последствиями в виде возрождения милитаризма и восстания из пепла нового исторического ревизионизма, новой идеологии «Японии в окружении врагов», шаги к чему можно наблюдать в программных документах МИД Японии и её информационном поле уже сейчас. Так мы рискуем получить новый очаг напряжённости в регионе, в центре которого будет находиться уже не «записной враг» мирового сообщества — КНДР, а прежде пацифистская страна — Япония.

ССЫЛКИ / REFERENCES

1. Diplomatic Bluebook. 2018 // Сайт МИД Японии, URL <https://www.mofa.go.jp/files/000401242.pdf> (дата обращения: 24.02.2019 г.).
2. 北朝鮮による拉致問題とは = В чём заключается проблема похищенных КНДР японцев. Сайт Проблемы похищенных Северной Кореей японцев под эгидой МИД Японии. URL: <https://www.rachi.go.jp/jp/ratimondai/yokuwakaru/vol3.html> (дата обращения: 24.02.2019 г.).
3. 日本に戦争の危険「ある」85% 内閣府の世論調査 = Результаты опроса населения Кабинета министров: 85% опрошенных считают, что для Японии есть опасность войны // Нихон Кэйдзай Симбун. 2018. 10 марта. URL: <https://www.nikkei.com/article/DGXMZO27971390Q8A310C1EA3000/> (дата обращения: 24.02.2019 г.).
4. 2018年6月 日韓共同世論調査 = Совместный опрос общественного мнения в июне 2018 г. в Японии и Южной Корее // Ёмиури Симбун. 2018. 05 июля.

URL: <https://www.yomiuri.co.jp/election/yoron-chosa/20180703-OYT8T50002/> (дата обращения: 24.02.2019 г.).

5. トランプ氏へ「最も美しい推薦状」 = «Самая красивая рекомендация» Трампу // Асахи Симбун. 2019. 25 февраля. URL: <https://digital.asahi.com/articles/ASM2Q5DKQM2QULZU00G.html> (дата обращения: 24.02.2019 г.).

ОБОБЩЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ДИСКУССИИ

В ходе дискуссии участники «круглого стола» обсудили две наиболее насущные проблемы: политику России на северокорейском направлении, а также вовлечённость заинтересованных государств в будущее развитие ситуации на Корейском полуострове.

Эксперты отметили, что ситуация вокруг Корейского полуострова сейчас меняется, но российская сдержанная и рациональная политика здесь имеет смысл только при сохранении статус-кво, которого как такового уже нет. И в этом случае роль России в делах Кореи становится пассивной. По мнению участников «круглого стола», тезис о том, что возможный ядерный взрыв на Корейском полуострове не будет иметь последствий для России справедлив лишь отчасти — для европейской части страны последствий не будет, но для Дальнего Востока это является непосредственной угрозой. И в данном случае проблемой прикладного корееведения является неспособность ведущих экспертов дать долгосрочный прогноз развития ситуации на полуострове. Более того, у России на все внешнеполитические направления объективно не хватает ресурсов. Северокорейское направление в этом плане является наиболее сложным для нашей страны: рычаги влияния на Пхеньян Москва потеряла ещё в 1960-е гг. Сейчас это положение усугубляется тем, что приоритетными для Москвы являются европейское, украинское и ближневосточное направления. Несмотря на временную отстранённость, Китай по-прежнему является самым влиятельным актором в делах Корейского полуострова. Вовлечённость Пекина в ситуацию гораздо больше, чем у Москвы, и тем не менее северокорейская сторона будет стремиться к более активному участию России в урегулировании проблемных вопросов Пхеньяна. Москвой Северная Корея воспринимается как достаточно ненадёжный партнёр, а масштаб проблемы — только как региональный. В складывающейся ситуации для России важно в первую очередь настроить низовые контакты с КНДР на уровне приграничных связей, а также администраций Дальнего Востока и Сибири. Важную роль в поддержании этих контактов должен играть благоприятный информационный фон в местных СМИ. Эксперты подчеркнули, что в настоящее время по мнению участников, политика России в отношении северокорейских проблем весьма завуалирована и определить её конкретное содержание представляется проблематичным.

Основные интересы США определяются решением ракетно-ядерной проблемы Северной Кореи и дальнейшей судьбы северокорейского режима. Одновременно администрация Д. Трампа стремится контролировать другие страны в плане соблюдения санкций. Особенно это затрагивает правительство Мун Чжэ Ина, которому в Вашингтоне не полностью доверяют. США в рамках альянса продолжают сдерживать попытки самостоятельности Республики Корея и будут укреплять своё военнополитическое присутствие на Юге. Участники отметили, что нельзя исключать и наличия противоположных мотивов у Соединённых Штатов, например, постоянно «подпитывать» северокорейскую угрозу, чтобы держать в напряжении своих союзников в СВА. В этой ситуации для России бóльшим приоритетом является решение внутренних экономических вопросов, нежели участие в судьбе Корейского полуострова. В этой связи, вероятно, что политика США и их союзников изменится в сторону либерализации экономики КНДР. Однако рыночные реформы идут в КНДР очень медленно, потому что её руководство опасается повторить ошибки СССР и России и внимательно изучает опыт своих региональных соседей. Ким Чен Ын нашёл опору для социально-экономических реформ — т.н. прослойку «тончжу». Соответственно режим держится не только на страхе, но и на прибыли, приносимой этой стратой, которая сформировалась и начинает себя самовоспроизводить. Экономические изменения в КНДР реальны, но в информационном пространстве они часто преувеличиваются, а мнения экспертов бывают ангажированы. Тем не менее налицо зримые перемены, которые произошли в Северной Корее за последние пять лет: постоянное освещение улиц, нетипичные для северокорейцев формы досуга, активное использование мобильной связи в Пхеньяне. Однако, как заявили эксперты, несмотря на появление этих новых тенденций в северокорейском обществе, это вряд ли может стать основанием для смены режима.

Парадокс сегодняшней ситуации в том, что нет никакой политикодипломатической игры вокруг Корейского полуострова. Присутствуют отдельно взятые направления политики, которые между собой не координируются. Частичная координация действий есть между США и РК, и КНР и РФ, хотя «дорожная карта» последних почти не работает. Молчаливое согласие с ядерным статусом КНДР лишает вовлечённые государства общей связки. Фактически полноценную игру ведут только два государства: США и Северная Корея. Проблематично судить о наличии долгосрочной политики у Китая. А данные о ней очень важны, поскольку взаимодействие КНДР с США для него более болезненный удар, чем для России. Единственный позитивный путь в данной ситуации — это межкорейский диалог, но его ограничивает отсутствие самостоятельности Южной Кореи. Проблему создаёт и лимит времени, который остался у Мун Чжэ Ина до новых президентских выборов. По этим причинам нестабильность ситуации на Корейском полуострове сохранится. Россия сейчас никакой серьёзной роли в межкорейском урегулировании играть не в состоянии. Выход из сложившегося положения видится в чётком понимании роли и значения российского Дальнего Востока в проблемах СВА и Корейского полуострова в частности.